

ДЕТИ ХУРИНА

ДЖОН Р.Р. ТОЛКИН

Под редакцией Кристофера Толкина • Иллюстрации Алана Ли

Джон Толкин

Дети Хурина. Нарн и Хин Хурин

«АСТ»

2007

Толкин Д. Р.

Дети Хурина. Нарн и Хин Хурин / Д. Р. Толкин — «АСТ», 2007

ISBN 978-5-17-054929-0

Последнее из «Утраченных сказаний» Средиземья... Последнее произведение великого Джона Рональда Руэла Толкина. Книга, рукопись которой подготовил к публикации и отредактировал сын Толкина Кристофер. История короля Хурина и его сына, проклятого героя Турина Турамбара, жребием коего было нести погибель всем, кого он полюбит. История черных дней эльфийских королевств Средиземья, одного за другим падавших под натиском сил Темного Властелина Моргота... История лучшего друга Турина – эльфийского воина Белега Куталиона – и его сестры Ниэнор... История великого подвига и великой скорби.

ISBN 978-5-17-054929-0

© Толкин Д. Р., 2007

© АСТ, 2007

Содержание

От переводчика	6
Предисловие	8
Введение	10
Примечание о произношении	16
Согласные	17
Гласные	18
Нарн и Хин Хурин	19
Глава I	19
Глава II	27
Глава III	31
Глава IV	34
Глава V	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джон Рональд Руэл Толкин

Дети Хурина

J.R.R. Tolkien

THE CHILDREN OF HÛRIN

Originally published in English by HarperCollins Publishers Ltd.

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Карты, предисловие, введение, примечания о произношении, приложение, указатель имен и названий. Christopher Reuel Tolkien, 2007

© Повесть о детях Хурина. The J.R.R. Tolkien

Copyright Trust and Christopher Reuel Tolkien, 2007

© Иллюстрации. Alan Lee, 2007

® Школа перевода В. Баканова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

От переводчика

Предваряя непосредственно текст, скажем несколько слов о переводческой концепции передачи имен и названий. Транслитерация имен собственных, заимствованных из эльфийских языков, последовательно осуществляется в соответствии с правилами чтения, сформулированными Дж. Р.Р. Толкином в приложении Е к «Властелину Колец» и перенесенными на русскую орфографию. Оговорим лишь несколько наименее самоочевидных и вызывающих наибольшие споры подробностей. Так, в частности:

<L> смягчается между [e], [i] и согласным, а также после [e], [i] на конце слова. Отсюда – Бретиль (*Brethil*), Мелькор (*Melkor*), но Ульмо (*Ulmo*).

<TH> обозначает глухой звук [θ], <DH> обозначает звонкий [ð]. Эти фонемы не находят достаточно точных соответствий в русском языке и издавна следуют единой орфографической замене через «т» и «д». Мы передаем графическое *th*, *dh* через «т» и «д» соответственно. Например – Тингол (*Thingol*), Маэдрос (*Maedhros*).

<PH> в середине некоторых слов обозначает [ff] (возникшее из [pp]): Эффель Брандир (*Ephel Brandir*).

<E> обозначает звук, по описанию Толкина примерно соответствующий тому же, что в английском слове *were*, то есть не имеющий абсолютно точного соответствия в русском языке. Попытки использовать букву «э» всюду, где в оригинале имеется звук [e] после твердого согласного, то есть практически везде, представляются неправомерными. Звук [э] русского языка, при том, что он, строго говоря, и не соответствует стопроцентно исходному, будучи передаваем через букву «э», создает комичный эффект имитации «восточного» акцента. Та же самая цель (отсутствие смягчения предшествующего согласного) легко достигается методами, для русского языка куда более гармоничными: в словах, воспринимающихся как заимствования, согласный естественным образом не смягчается и перед «е» (так, в слове «эссе» предпоследний согласный звук однозначно твердый).

В системе транслитерации, принятой для данного издания, в именах и названиях, заимствованных из эльфийских языков, буква «э» используется:

– на конце имен собственных, заимствованных из эльфийских языков (тем самым позволяя отличить эльфийские имена от древнеанглийских): Финвэ (*Finwë*) (но Эльфвине (*Aelfwine*)).

– в начале слова и в дифтонгах (во избежание возникновения звука [j]): Галадриэль (*Galadriel*), Эол (*Eöl*).

– на стыке двух корней: например, Арэдель (*Aredhel*), Аданэдель (*Adanedhel*).

В большинстве же случаев для передачи пресловутого гласного звука используется буква «е»: например, Берен (*Beren*), Белерианд (*Beleriand*), Нуменор (*Númenor*).

Буква <Y> в словах, заимствованных из синдарского и номского языков, обозначает звук, в русском языке передающийся буквой «ю»: например, Эхад и Седрюн (*Echad i Sedryn*).

В Указателе после каждого слова в скобках дается написание латиницей (как в оригинале), для упрощения со отнесения ономастики оригинала и перевода.

Цитаты из «Биографии» Х. Карпендера и «Писем» Дж. Р.Р. Толкина приводятся по русскоязычным изданиям:

Карпендер Х. Джон Р. Р. Толкин. Биография / Пер. А. Хромовой. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002.

Толкин Дж. Р.Р. Письма / Под ред. Х. Карпендера при содействии К. Толкина; пер. С. Лихачевой. М.: ЭКСМО, 2004.

В случае внутритекстовых ссылок на тома серии «История Средиземья» (*The History of Middle-earth*, далее – HOME), на «Неоконченные предания» (*Unfinished Tales of Númenor and*

Middle-earth) и на «Сильмариллион» (*The Silmarillion*), номера страниц по умолчанию соответствуют англоязычным изданиям.

Предисловие

Многим читателям «Властелина Колец» легенды Древних Дней (опубликованные ранее в разных формах в составе «Сильмариллиона», «Утраченных преданий» и «Истории Средиземья») известны разве что понаслышке – как нечто странное и невразумительное по стилю и манере изложения. Вот почему мне давно хотелось представить полную версию легенды о детях Хурина как самостоятельное произведение, отдельным изданием, сведя к минимуму объем авторских комментариев, а главное – в виде связного, непрерывного повествования, без лакун и сбоев, – если такое возможно без искажения или дописывания, ведь отдельные фрагменты так и остались неоконченными.

Мне подумалось, что если преподнести в таком виде рассказ о судьбе Турина и Ниэнор, детей Хурина и Морвен, тем самым словно распахнется окно и взгляду предстанут декорации и сюжет, помещенные в неизведанное Средиземье – живые, яркие, непосредственные, однако же задуманные как наследие далеких веков: затонувшие западные земли за Синими горами, где в пору юности бродил Древоград, жизнь Турина Турамбара в Дор-ломине, Дориате, Нарготронде и Бретильском лесу.

Эта книга адресована в первую очередь тем читателям, которые, возможно, помнят, что пронзить шкуру Шелоб «не хватило бы сил человеческих, даже если бы сталь выковали эльф или гном, а сжимала клинок рука Берена либо Турина»¹, или что в Ривенделле Эльронд, обращаясь к Фродо, назвал Турина «одним из могучих друзей эльфов далекого прошлого»²; однако ничего больше о Турине не знают.

Мой отец еще в юности, в годы Первой мировой войны и задолго до того, как возникли первые наброски историй, впоследствии составивших повествование «Хоббита» и «Властелина Колец», начал создавать сборник легенд под названием «Книга утраченных сказаний». Это было его первое художественное произведение – произведение весьма объемное, ведь даже оставшись незавершенным, оно включает в себя четырнадцать законченных преданий. Именно в «Книге утраченных сказаний» появляются Боги, или Валар, эльфы и люди как Дети Илуватара (Создателя), Мелькор-Моргот, великий Враг, балроги и орки, а также земли, в которых развивается действие – Валинор, «земля Богов» за западным океаном, и «Великие земли» (расположенные между морями востока и запада и впоследствии названные Средиземьем).

Три легенды в книге оказались значительно длиннее и полнее других, и во всех трех речь идет как о людях, так и об эльфах. Это «Сказание о Тинувиэли» (записанное отцом в 1917 году; в сжатом виде оно приводится во «Властелине Колец»: на Заветери Арагорн рассказывает хоббитам историю Берена и Лутиэн); «Турамбар и Фоалокэ» (о Турине Турамбаре и Драконе; это сказание, несомненно, было создано уже к 1919 году, если не раньше) и «Падение Гондолина» (1916–1917 гг.). В часто цитируемом фрагменте длинного письма, написанного отцом в 1951 году, за три года до публикации «Властелина Колец» и объясняющего, что представляет собой его роман, отец рассказывает о своем исходном замысле: «...Некогда (с тех пор самонадеянности у меня поубавилось) я задумал создать цикл более или менее связанных между собою легенд – от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной сказки; так, чтобы более значительные основывались на меньших в соприкосновении своем с землей, а меньшие обретали великолепии на столь обширном фоне... Одни легенды я бы представил полностью, но многие наметил бы только схематически, как часть общего замысла».

¹ ВК, IV. 10. – Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примечания переводчика.

² ВК, II. 2.

Отсюда явствует, что отец с самого начала именно так представлял себе будущий «Сильмариллион»: часть «Сказаний» предстояло изложить гораздо более полно. Действительно, в том же письме от 1951 года отец однозначно ссылается на три вышеупомянутые легенды как на самые пространные в «Книге утраченных сказаний». Здесь же он называет повесть о Берене и Лутиэн «главным из преданий «Сильмариллиона»» и говорит о ней: «...История как таковая (мне она представляется прекрасной и впечатляющей) является героико-волшебным эпосом, что сам по себе требует лишь очень обобщенного и поверхностного знания предыстории. Но одновременно она – одно из основных звеньев цикла, и, вырванная из контекста, часть значимости утрачивает». «В цикл входят и другие предания, почти столь же полно разработанные, – пишет отец дальше, – и почти столь же самодостаточные – и, однако ж, связанные с историей в целом»: «Дети Хурина» и «Падение Гондолина».

Таким образом, из собственных слов моего отца бесспорно явствует: если бы ему удалось закончить повествование в желаемом ему объеме, он воспринимал бы три «Великих Предания» Древних Дней (о Берене и Лутиэн, о детях Хурина и о падении Гондолина) как произведения вполне самодостаточные и не требующие знакомства с обширным корпусом легенд, известным как «Сильмариллион». С другой стороны, как отмечал отец в том же письме, сказание о детях Хурина неразрывно связано с историей эльфов и людей в Древние Дни и неизбежно содержит в себе изрядное количество ссылок на события и обстоятельства предания более масштабного.

Замысел данной книги никоим образом не предполагает обременять читателя избытком примечаний, содержащих в себе сведения о персонажах и событиях, которые в любом случае редко по-настоящему значимы для повествования как такового. Однако некоторые разъяснения необходимы; соответственно, я привожу во «Введении» сжатое описание Белерианда и населяющих его народов в конце Древних Дней, когда родились Турин и Ниэнор; и в придачу к карте Белерианда и северных земель прилагаю список имен и названий, встречающихся в тексте, с краткими пояснениями к каждому, и упрощенные генеалогии.

В конце книги помещено Приложение в двух частях: в первой рассказывается о попытках отца создать окончательный вариант трех вышеупомянутых легенд, а во второй – о составлении текста данной книги, который во многом отличается от варианта «Неоконченных преданий».

Я глубоко признателен моему сыну Адаму Толкину за неоценимую помощь в упорядочении и компоновке материала во Введении и Приложении и за внедрение книги в устрашающий (для меня) мир электронных носителей.

Введение

Средиземье в Древние дни

Характер Турина всегда был исполнен огромной значимости в глазах моего отца. В диалогах прямых и непосредственных он рисует живой и яркий портрет Турина-ребенка, существенно важный для понимания повествования в целом: его суровый, чуждый легкомысленному веселью нрав, его острое чувство справедливости и сострадательность; а также Хурина – порывистого, жизнерадостного весельчака, и Морвен, матери Турина – сдержанной, храброй и гордой; и живописует жизнь усадьбы в холодном краю Дор-ломин на протяжении лет, уже омраченных страхом, после того, как Моргот прорвал Осаду Ангбанда – еще до рождения Турина.

Но все это – события Древних Дней, Первой Эпохи мира, произошедшие во времена невообразимо далекие. Ощущение временной бездны, в которую уходит корнями эта история, убедительно передано в достопамятном отрывке из «Властелина Колец». На великом совете в Ривенделле Эльронд рассказывает о Последнем Союзе эльфов и людей и о поражении Саурана в конце Второй Эпохи, более трех тысяч лет назад:

На том Эльронд надолго умолк – и вздохнул.

– Ясно, как наяву, вижу я великолепие их знамен, – промолвил он. – Столь много великих владык и вождей собралось там! – глядя на них, вспоминал я славу Древних Дней. И однако ж не столь много и не столь блистательных, как в ту пору, когда рухнул Тангородрим, и подумалось эльфам, будто злу навеки положен конец – но они заблуждались.

– Ты помнишь? – потрясенно воскликнул Фродо, не замечая, что говорит вслух. – Но мне казалось... – смущенно пробормотал он, едва Эльронд обернулся к нему, – мне казалось, Гильгалад погиб давным-давно – целую эпоху назад.

– Воистину так, – печально отозвался Эльронд. – Но в памяти моей живы и Древние Дни. Отцом моим был Эарендиль, рожденный в Гондолине до того, как пал город; а матерью – Эльвинг, дочь Диора, сына Лутиэн Дориатской. Перед моими глазами прошли три эпохи на Западе мира, и множество поражений, и множество бесплодных побед³.

Примерно за шесть с половиной тысяч лет до Совета Эльронда в Ривенделле родился в Дор-ломине Турин – он «рожден зимой», как говорится в «Анналах Белерианда», и «его появление на свет сопровождается мрачными знаменами»⁴.

Но трагедия жизни Турина никоим образом не объясняется исключительно особенностями его личности: ведь Турин был обречен жить в тенетах злого воздействия могучей и непостижимой силы – проклятия ненависти, наложенного Морготом на Хурина, Морвен и их детей, поскольку Хурин так и не покорился его воле. А Моргот, Черный Враг, как со временем его стали называть, изначально, – как сообщает он захваченному в плен Хурину, – «Мелькор, первый и могущественнейший среди Валар; тот, кто был до сотворения мира». Теперь же, навсегда воплотившись в обличье гигантское и величественное, но ужасное, он, король северо-западных областей Средиземья, телесно пребывает в своей огромной твердыне Ангбанд, Железные Преисподни: над вершинами Тангородрима, гор, воздвигнутых им над Ангбандом, курится черный смрад, что пятнает северное небо и виден издалека. В «Анналах Белерианда» сказано,

³ ВК, II.2.

⁴ НОМЕ IV, 7; пер. О. Гавриковой.

что «врата Моргота находились всего лишь в ста пятидесяти лигах от Менегротского моста; далеко, и все же слишком близко»⁵. Здесь имеется в виду мост, подводящий к чертогам эльфийского короля Тингола, который принял Турина на воспитание; чертоги эти звались Менегрот, Тысяча Пещер, и располагались далеко на юго-востоке от Дор-ломина.

Однако, как существу воплощенному, Морготу был ведом страх. Мой отец писал о нем так: «...В то время как росла его злоба, росла и воплощалась в лживых наветах и злобных тварях, таяла, перетекая в них же, и его сила – таяла и рассеивалась; и все неразрывней становилась его связь с землей; и не желал он более покидать свои темные крепости»⁶. Когда Финголфин, Верховный король эльфов-нолдор, один поскакал к Ангбанду и вызвал Моргота на поединок, он воскликнул у врат: «Выходи, о ты, малодушный король, сразись собственной рукою! Житель подземелий, повелитель рабов, лжец, затаившийся в своем логове, враг Богов и эльфов, выходи же! Хочу я взглянуть тебе в лицо, трус!»⁷. И тогда (как рассказывают) «Моргот вышел. Ибо не мог он отвергнуть вызов перед лицом своих полководцев»⁸. Сражался он могучим молотом Гронд, и при каждом ударе в земле оставалась громадная яма, и поверг он Финголфина наземь; но, умирая, Финголфин пригвоздил гигантскую ступню Моргота к земле, «и хлынула черная кровь, и затопила выбоины, пробитые Грондом. С тех пор Моргот хромал»⁹. Также, когда Берен и Лутиэн, в обличье волка и летучей мыши, пробрались в глубинный чертог Ангбанда, где на троне восседал Моргот, Лутиэн навела на него чары: и «пал Моргот – так рухнет смятый лавиной холм; с грохотом низвергся он со своего трона и распростерся, недвижим, на полу подземного ада. Железная корона откатилась в сторону, прогремело и угасло эхо»¹⁰.

Проклятие такого существа, способного утверждать, будто «тень моего замысла лежит на Арде [Земле], и все, что только есть в ней, медленно и неуклонно подпадает под мою власть», – не то же самое, что проклятия или недобрые пожелания созданий гораздо менее могущественных. Моргот не «призывает» зло или бедствия на Хурина и его детей, он не «обращается» к высшим силам, прося о посредничестве: ибо «Владыка судеб Арды», как он называет себя Хурину, намерен привести врага к гибели мощью своей собственной исполинской воли. Так он «созидает» будущее тех, кого ненавидит, и говорит Хурину: «Все, кто тебе дорог, ощутят тяжкий гнет моей мысли, точно мглистое марево Рока, и ввергнуты будут во тьму отчаяния».

Пытка, придуманная им для Хурина, – «видеть глазами Моргота». Отец пояснил, что это значит: если принудить кого-то посмотреть Морготу в глаза, жертва станет «видеть» (или воспринимать в сознании через разум Моргота) крайне убедительную картину событий, искаженную Морготовой беспредельной злобой; и если кому-то и удалось бы воспротивиться повелению Моргота, то не Хурину. Отчасти потому (как объяснял отец), что Хурин, горячо любя своих близких и измученный тревогой за них, стремился узнать о них хоть что-нибудь из любого источника. Отчасти же причиной была гордыня: Хурин полагал, что одолел Моргота в споре и теперь сумеет «переглядеть» его или по крайней мере сохранит способность мыслить критически и отличать истину от злобных домыслов.

⁵ Имеются в виду «Серые Анналы», опубликованные в НОМЕ XI, с. 15; эта же фраза дословно повторена в опубликованном «Сильмариллионе» (глава «О синдар»).

⁶ «Анналы Амана», опубликованные в НОМЕ X, с. 133; эта же фраза практически дословно повторена в опубликованном «Сильмариллионе» (глава «О Солнце и Луне»).

⁷ «Серые Анналы» (НОМЕ XI, с. 55).

⁸ «Серые Анналы» (НОМЕ XI, с. 55).

⁹ «Серые Анналы» (НОМЕ XI, с. 55).

¹⁰ «Сильмариллион», глава 19 («О Берене и Лутиэн»).

На протяжении всей жизни Турина после ухода из Дор-ломина и всей жизни его сестры Ниэнор, никогда не видевшей отца, Хурин пребывал в неподвижности на одной из вершин Тангородрима и ожесточался все сильнее волею своего мучителя.

В сказании о Турине, который нарек себя Турамбаром, «Победителем Судьбы», проклятие Моргота представляется некоей высвобожденной силой, которая творит зло, выискивая своих жертв; сам падший Вала страшится, как бы Турин «не обрел такое могущество, что проклятие, на него наложенное, утратит силу и избежит он участи, ему назначенной» (с. 150). Впоследствии, в Нарготронде, Турин скрывает свое истинное имя, а когда Гвиндор разоблачает его, приходит в гнев: «Худо поступил ты со мною, друг, выдав мое настоящее имя и призвав на меня судьбу мою, от которой я тщусь укрыться». Именно Гвиндор еще раньше рассказал Турину о слухах, передающихся из уст в уста в Ангбанде, где Гвиндор томился в плену: дескать, Моргот наложил проклятие на Хурина и на весь его род. Теперь же Гвиндор отвечает на яростные упреки Хурина словами: «Судьба заключена не в твоём имени, а в тебе самом».

Эта сложная концепция играет в предании роль настолько значимую, что отец даже придумал для него альтернативное название: «*Нарн э'Рах Моргот*, Повесть о Проклятии Моргота». Авторская интерпретация заключена в следующих словах: «На том завершилась повесть о Турине злосчастном; худшее из деяний Моргота среди людей древнего мира».

Древобрад, шагая через лес Фангорн и неся на согнутых руках-ветках Мерри и Пиппина, пел хоббитам о местах, знакомых ему в далеком прошлом, и о росших там деревьях:

В ивовых лугах Тасаринана бродил я весной.
А! Краса и благоухание весны в Нан-тасарионе!
И говорил я: здесь хорошо.
Летом скитался я в вязовых рощах Оссирианда.
А! Свет и музыка лета в Семиречье Оссира!
И думалось мне: здесь – всего лучше.
К букам Нельдорета приходил я по осени.
А! Золото и багрянец, и вздохи листвы по осени в Таур-на-Нельдоре!
Чего еще мог я желать?
К сосновым нагорьям Дортониона я поднимался зимой.
А! Ветер и белизна, и черные ветви зимы на Ород-на-Тоне!
Голос мой ввысь летел и пел в поднебесье.
Ныне же все эти земли погребены под волной,
Я же брожу в Амбароне, в Таурэморне, в Алдаломэ,
В моих владениях, в краю Фангорна,
Где долги корни,
А годы бесчисленны, что листья В Таурэморналомэ.¹¹

Память Древобрада, «энта землерожденного, давнего, как горы»¹², и впрямь долгая. Он вспоминает древние леса в обширном краю Белерианд, уничтоженные в ходе Великой Битвы в конце Древних Дней. Великое море нахлынуло и затопило все земли к западу от Синих гор, именуемых Эред Луин и Эред Линдон; так что карта, прилагаемая к «Сильмариллиону», заканчивается этой горной цепью на востоке, в то время как карта, прилагаемая к «Властелину Колец», ею же ограничена на западе. Прибрежные земли за Синими горами, на второй карте

¹¹ ВК, III.4.

¹² ВК, III.4.

названные Форлиндон и Харлиндон (Северный Линдон и Южный Линдон) – вот и все, что в Третью Эпоху осталось от области, называемой как Оссирианд, Земля Се ми Рек, так и Линдон: там, в буковых лесах, и бродил некогда Древобрад.

Бродил он также и среди гигантских сосен в нагорьях Дортониона (Земля Сосен), что впоследствии стали называться Таурну-Фуин, Лес под покровом Ночи, когда Моргот превратил Дортонион в «средоточие страха и темных чар, морока и отчаяния» (с. 154); приходил и в Нельдорет, северные леса Дориата, владения Тингола.

Именно в Белерианде и в землях к северу завершается страшная судьба Турина; действительно, и Дортонион, и Дориат, где бродил Древобрад, в жизни Турина сыграли ключевую роль. Турин родился на свет в эпоху войн, хотя на момент последней и величайшей из битв Белерианда был еще ребенком. Краткое описание этих событий ответит на все возникающие вопросы и объяснит ссылки, встречающиеся по ходу повествования.

На севере границы Белерианда, по всей видимости, обозначены горами Тени, Эред Ветрин, а за ними лежат владения Хурина, Дор-ломин как часть Хитлума; на востоке Белерианд простирается вплоть до подножия Синих гор. Земли, находящиеся еще дальше к востоку, в истории Древних Дней почти не фигурируют; однако народы, эту историю создававшие, пришли с востока через перевалы Синих гор.

Эльфы пробудились далеко на востоке, на берегах озера под названием Куивизнен, Вода Пробуждения; Валар же призвали эльфов покинуть Средиземье, пересечь Великое море и явиться в землю Богов, в Благословенное Королевство Аман на западе мира. Вала Оромэ, Охотник, повел в великий поход от озера Куивизнен через все Средиземье тех, кто внял призыву. Их называют эльдар, это – эльфы Великого Странствия, Высокие эльфы – в отличие от тех, кто не внял призыву и предпочел жить в Средиземье, связав с ним свою судьбу. Это «меньшие эльфы», именуемые авари, Непожелавшие.

Но не все эльдар, даже перейдя через Синие горы, отплыли за Море; тех, что остались в Белерианде, называют синдар, Серые эльфы. Их верховным королем стал Тингол (что значит «Серый плащ»): он правил из Менегрота, Тысячи Пещер в Дориате. Также не все эльдар, переплывшие Великое море, остались в земле Валар; ибо нолдор («Хранители знания») – один из великих родов – вернулись в Средиземье: их называют Изгнанниками. Вдохновителем их мятежа против Валар стал Феанор, «Дух Огня»: старший сын Финвэ (сам Финвэ, что некогда вел народ нолдор от озера Куивизнен, к тому времени погиб). Это ключевое событие в истории эльфов вкратце изложено моим отцом в Приложении А к «Властелину Колец»:

Феанор был величайшим из эльдар и в мастерстве, и в мудрости, но также превосходил всех прочих гордыней и своеволием. Он сработал Три Самоцвета, *Сильмарилли*, и наполнил их сиянием Двух Древ, Тельперииона и Лаурелин, что освещали земли Валар. Враг Моргот возжелал тех Самоцветов, похитил их и, уничтожив Древа, унес камни в Средиземье и надежно сокрыл их в своей могучей твердыне Тангородрима [скал над Ангбандом]. Вопреки воле Валар Феанор покинул Благословенное Королевство и отправился в изгнание в Средиземье, уводя с собой большую часть соплеменников; ибо в гордыне своей замыслил он силой отвоевать у Моргота Самоцветы. Так началась безнадежная война эльдар и эдайн против Тангородрима, в которой они в конце концов были разбиты наголову.

Вскоре после возвращения нолдор в Средиземье Феанор погиб в битве. Его семеро сыновей владели обширными землями на востоке Белерианда, между Дортонионом (Таурну-Фуин) и Синими горами; но их мощь была уничтожена в Битве Бессчетных Слез, описанной в «Детях Хурина», и впоследствии «Сыны Феанора скитались по свету, точно листья, гонимые ветром» (с. 64).

Второй сын Финвэ, Финголфин, единокровный брат Феанора, считался верховным владыкой всех нолдор; он и его сын Фингон правили Хитлумом, что протянулся на северо-запад от хребта Эред Ветрин, гор Тени. Финголфин жил в Митриме, у великого озера с тем же названием, в то время как Фингон правил в Дор-ломине на юге Хитлума. Их главная крепость, Барад Эйтель (Башня Источника) стояла в месте Эйтель Сирион (Исток Сириона), где река Сирион брала начало на восточном склоне гор Тени: Садор, старый увечный слуга Хурина и Морвен, много лет прослужил там воином, как сам он рассказывал Турину (с. 45–46). После гибели Финголфина в поединке с Морготом Фингон стал Верховным королем нолдор. Турину довелось однажды увидеть Фингона своими глазами, когда тот «и многие его лорды пересекли Дор-ломин и проехали по мосту через Нен Лалайт, в искристом блеске серебра и белизны» (с. 43).

Вторым сыном Финголфина был Тургон. Поначалу, после возвращения нолдор, он жил в чертогах под названием Виньямар у моря в краю Невраст, к западу от Дор-ломина; тем временем он тайно отстроил сокрытый город Гондолин – на холме посреди равнины Тумладен, в кольце Окружных гор к востоку от реки Сирион. Когда же, после многолетних трудов, возведен был Гондолин, Тургон покинул Виньямар и вместе со своим народом, как нолдор, так и синдар, поселился в Гондолине. На протяжении многих веков эта красивейшая эльфийская цитадель была окружена глубочайшей тайной: единственный вход в нее, надежно сокрытый от глаз, бдительно охранялся, так что никто чужой внутрь проникнуть не мог; и Морготу никак не удавалось выведать, где находится город. Лишь через триста пятьдесят с лишним лет после ухода из Виньямара, Тургон и его великая армия вышли из Гондолина – на Битву Бессчетных Слез.

Третий сын Финвэ, брат Финголфина и единокровный брат Феанора, звался Финарфин. Он не вернулся в Средиземье, но его сыновья и дочь ушли вместе с воинством Финголфина и его сыновей. Старший сын Финарфина, Финрод, вдохновленный красотой и великолепием Менегрота в Дориате, отстроил подземный город-крепость Нарготронд, почему и был наречен Фелагундом, что означает «Владыка Пещер», или «Прорубающий пещеры» на языке гномов. Врата Нарготронда выводили в ущелье реки Нарог в Западном Белерианде, там, где эта река протекала сквозь высокие нагорья под названием Таур-эн-Фарот, или Высокий Фарот; но владения Финрода простирались вдаль и вширь, на восток до реки Сирион и на запад до реки Неннинг, что впадала в море у гавани Эгларест. Финрод погиб в подземельях Саурана, главного прислужника Моргота, и корона Нарготронда перешла к Ородрету, второму сыну Финарфина: это произошло на следующий год после того, как в Дор-ломине родился Турин.

Оставшиеся сыновья Финарфина, Ангрод и Аэгнор, вассалы своего брата Финрода, обосновались в Доргонионе: с северных его склонов хорошо просматривалась обширная равнина Ардгален. Галадриэль, сестра Финрода, долго жила в Дориате у королевы Мелиан. Мелиан была из числа Майар – могущественных духов, но приняла обличье, подобное человеческому, и поселилась в лесах Белерианда с королем Тинголом; она стала матерью Лутиэн и прародительницей Эльронда. Незадолго до возвращения нолдор из Амана, когда бессчетные ангбандские полчища двинулись на юг в Белерианд, Мелиан (как говорится в «Сильмариллионе») «призвала на по мощь свое могущество и оградила весь этот край [леса Нельдорета и Региона] незримой стеною тени и морока; и никто впредь не мог пройти через Пояс Мелиан вопреки ее воле либо вопреки воле короля Тингола; для этого нужно было обладать силой большей, нежели у Мелиан из рода Майар»¹³. Впоследствии землю эту называли Дориат, Земля Ограждения.

На шестидесятый год после возвращения нолдор долгий мир был нарушен: громадное войско орков вышло из Ангбанда, но было наголову разбито и уничтожено силами нолдор. Это сражение получило название Дагор Аглареб, Славная Битва; однако эльфийские владыки

¹³ «Сильмариллион», глава 10 («О синдар»).

вняли предостережению и взяли Ангбанд в осаду. Осада Ангбанда продержалась почти четыре сотни лет.

Говорится, будто люди (эльфы называли их *атани*, «Второй народ», и *хильдор*, «Пришедшие Следом») пробудились далеко на востоке Средиземья уже на исходе Древних Дней; но о временах на заре своей истории люди, вступившие в Белерианд в пору Долгого Мира, пока Ангбанд был осажден и ворота его оставались закрыты, говорить отказывались. Вождь людей, перешедших через Синие горы ранее прочих, звался Беор Старый; Финроду Фелагунду, королю Нарготронда, который первым обнаружил пришлецов, Беор объявил: «Тьма лежит за нами; но мы отвернулись от нее и не желаем возвращаться к ней даже в мыслях. К Западу обратились сердца наши, и верим мы, что там обретем Свет»¹⁴. Примерно в том же ключе Садор, старый слуга Хурина, беседовал с маленьким Турином (с. 47). Но впоследствии говорилось, что, едва узнав о появлении людей, Моргот в последний раз покинул Ангбанд и отправился на Восток и что люди, первыми пришедшие в Белерианд, «раскаялись и восстали против Темной Власти, и были жестоко преследуемы и угнетаемы теми, кто поклонялся ей, и ее прислужниками»¹⁵.

То были люди трех Домов, известных как Дом Беора, Дом Хадора и Дом Халет. Отец Хурина Галдор Высокий происходил из Дома Хадора и приходился Хадору сыном; мать Хурина была из Дома Халет, а жена Хурина Морвен принадлежала к Дому Беора и состояла в родстве с Береном.

Люди Трех Домов, *эдайн* (форма слова *атани* на языке синдар), назывались Друзьями эльфов. Хадор поселился в Хитлуме; король Финголфин передал ему бразды правления Дор-ломином; народ Беора обосновался в Дортонионе, а народ Халет в ту пору жил в лесу Бретиль. По окончании Осады Ангбанда через горы пришли совсем другие люди, обыкновенно называемые восточанами; некоторые из них сыграли важную роль в истории Турина. Осада Ангбанда завершилась пугающе внезапно (хотя готовились к тому долго) через триста девяносто пять лет после ее начала, в одну из ночей середины зимы. Моргот обрушил вниз с Тангородрима реки огня, и обширная травянистая равнина Ардгален, раскинувшаяся к северу от нагорья Дортонион, превратилась в выжженную пустыню, впоследствии известную под новым именем, *Анфауглит*, Удушливая Пыль.

Эта сокрушительная атака получила название *Дагор Браголлах*, Битва Внезапного Пламени. Глаурунг, Праотец Драконов, впервые явился из Ангбанда в расцвете мощи; на юг хлынули бесчисленные полчища орков; эльфийские владыки Дортониона погибли, а с ними и значительная часть воинов народа Беора. Короля Финголфина и его сына Фингона вместе с воинами Хитлума оттеснили к крепости Эйтель Сирион на восточном склоне гор Тени; при ее обороне погиб Хадор Златовласый. Тогда Галдор, отец Хурина, стал правителем Дор-ломина, ибо путь огненным потокам преградили горы Тени, и Хитлум с Дор-ломином остались непокоренными.

В год после Браголлах Финголфин, ослепленный отчаянием, поскакал к Ангбанду и бросил Морготу вызов. Два года спустя Хурин и Хуор побывали в Гондолине. Спустя еще четыре года, в ходе нового нападения на Хитлум, в крепости Эйтель Сирион был убит отец Хурина Галдор: Садор, как сам он рассказывал Турину (с. 45), был там и видел, как Хурин (в ту пору юноша двадцати одного года от роду) «принял власть и возглавил оборону».

Все эти события были еще свежи в памяти людей Дор-ломина, когда родился Турин — через девять лет после Битвы Внезапного Пламени.

¹⁴ «Сильмариллион», глава 17 («О приходе людей на Запад»).

¹⁵ «Серые Анналы» (НОМЕ XI, с. 39).

Примечание о произношении

Нижеследующее примечание имеет целью прояснить несколько основных принципов в том, что касается произношения имен¹⁶.

¹⁶ Данное примечание адресовано автором англоязычному читателю. Мы сочли нужным воспроизвести его в русскоязычном издании для удобства соотнесения имен и названий в оригинале и в переводе, а также как теоретическое обоснование использованной в переводе транслитерации при передаче имен собственных на русский язык.

Согласные

<C> всегда произносится как [k], никогда как [s]; так, *Celebros* читается как «Келеброс», а не «Селеброс».

<CH> всегда обозначает тот же звук, что <ch> в шотландском *loch* или немецком *buch*¹⁷, но не в английском *church*; например, *Anach* (Анах), *Narn i Chîn Húrin* (Нарн и Хин Хурин).

<DH> всегда обозначает звук, соответствующий звонкому (палатализованному) <th> в английском языке, то есть <th> как в *then*, не как в *thin*¹⁸. Например: *Glóredhel* (Глорэдель), *Eledhwen* (Эледвен), *Maedhros* (Маэдрос).

<G> всегда произносится как <g> в английском слове *get*¹⁹. Так, *Region* (Регион) произносится иначе, нежели английское *region*²⁰, а в начале названия *Ginglith* (Гинглит) <g> произносится так, как в английском *begin*, а не как в *gin*.

¹⁷ Русское [х].

¹⁸ Звук [ð]; в настоящем издании передается через <д>.

¹⁹ Русское [г].

²⁰ В английском языке буква *g* перед гласными *e*, *i*, *u* произносится как «дж»; так, слово *region* читается как «риджен».

Гласные

<AI> произносится как английское *eye*; так, во втором слоге слова *Edain* (эдайн) прочитывается как в английском *dine*, но не *Dane*²¹.

<AU> соответствует английскому <ow> в слове *town*; так, первый слог в *Sauron* (Саурон) прочитывается как английское *sour*, но не *sore*²².

<EI> соответствует звуку в английском *grey* – как в *Teiglin* (Тейглин).

<IE> не следует произносить как в английском *piece*²³: необходимо последовательно озвучивать оба гласных, как *i*, так и *e*; так, *Nienor* произносится как «Ниэно́р», но не как «Нино́р».

<AE> как в *Aegnor* (Аэгно́р), *Nirnaeth* (Нирнаэ́т) – это сочетание двух отдельных гласных, *a-e*; однако возможно произносить их так же, как <AI>.

<EA> и <EO> не сливаются вместе, но образуют два слога; такие сочетания графически передаются как *ëa* и *ëo* (например, в *Bëor* (Беор)), либо, в начале слов, как *Eä*, *Eö* (например, в *Eärendil* (Эарендиль)).

<Ú> в таких именах, как *Húrin* (Хурин), *Túrin* (Турин) этот звук произносится как долгое [u:]; таким образом, произносить следует «Турин», а не «Тьюрин».

<IR>, <UR> перед согласным (как в именах *Círdan* (Кирдан), *Gurthang* (Гуртанг)) следует произносить не так, как в английском *fir*, *fur*, но так, как в английском *eer*, *oor*²⁴.

<E> на конце слов всегда произносится, причем в этой позиции пишется как *ë*. Также всегда произносится в середине слов, как в *Celebros* (Келеброс), *Menegroth* (Менегрот).

²¹ То есть «ай», но не «эй».

²² То есть «ау», но не долгое «о».

²³ В английском языке дает долгий звук «и».

²⁴ То есть не [э:], а «-ир», «-ур».

Нарн и Хин Хурин *Повесть о детях Хурина*

Глава I Детство Турина

Хадор Златовласый был правителем эдайн; и весьма благоволили к нему эльдар. Прожил он отпущенный ему срок под властью Финголфина, каковой наделил его обширными землями в той области Хитлума, что звалась Дор-ломин. Дочь Хадора Глорэдель стала женой Халдира, сына Халмира, владыки людей Бретиля; и на том же празднестве сын Хадора Галдор Высокий взял в жены Харет, дочь Халмира.

У Галдора и Харет было двое сыновей, Хурин и Хуор. Хурин был тремя годами старше, однако ж уступал в росте прочим своим сородичам; в том пошел он в народ своей матери, а во всем остальном походил на Хадора, своего деда – силен был и крепок, и наделен к тому же горячим нравом. Но огонь в душе его горел ровно и ясно, и обладал Хурин великой стойкостью воли. Из всех людей Севера он более всех прочих посвящен был в замыслы нолдор. Брат его Хуор ростом превосходил любого из эдайн, кроме лишь собственного своего сына Туора; был он быстр на ногу, но ежели дорога предстояла долгая и тяжкая, Хурин обгонял его, ибо под конец бежал столь же скоро, как и в начале, нимало не уставая. Братья любили друг друга великой любовью и в юности почти не разлучались.

Хурин взял в жены Морвен, дочь Барагунда, сына Бреголаса из Дома Беора; она же приходилась близкой родней Берену Однорукому. Морвен была высока и темноволоса, и за ясный свет ее глаз и красоту черт люди прозвали ее Эледвен, то есть по-эльфийски – прекрасная; однако ж нрав у нее был суровый и гордый. Горести Дома Беора омрачили ее сердце, ведь изгнанницей пришла она в Дор-ломин из Дортониона после разгрома Браголлах.

Турином звался старший из детей Хурина и Морвен; родился он в тот самый год, когда Берен пришел в Дориат и повстречал Лутиэн Тинувиэль, дочь Тингола. Морвен родила Хурина и дочь, именем Урвен; но все, кто знал девочку на протяжении недолгой ее жизни, звали ее Лалайт, то есть Смех.

Хуор взял в жены Риан, двоюродную сестру Морвен; она приходилась дочерью Белегунду, сыну Бреголаса. Волею злой судьбы родилась она в ту горькую пору, ибо наделена была сердцем кротким и нежным и не любила ни охоты, ни войны. Любовью дарила она деревья и дикие цветы, а еще – пела и слагала песни. Два месяца лишь прожила она в браке с Хуором,

прежде чем отправился он вместе с братом на битву Нирнаэт Арноэдиад, и более она его не видела.

Теперь же речь вновь пойдет о Хурине и Хуоре в дни их юности. Говорится, что до поры сыны Галдора жили в Бретице на воспитании у Халдира, своего дяди, по обычаю северян тех времен. Часто ходили братья вместе с воинами Бретицы на битву с орками, что ныне опустошали северные границы той земли: Хурин, хотя исполнилось ему только семнадцать годов, был силен и крепок, а младший, Хуор, ростом не уступал взрослым мужам того народа.

Однажды Хурин и Хуор отправились в леса с отрядом разведчиков, но отряд угодил в орочью засаду и был разбит, и враги преследовали братьев до брода Бритиах. Там захватили бы их в плен либо убили, если бы не могущество Улмо, что по-прежнему заключали в себе воды Сириона; говорится, будто над рекою поднялся туман и укрыл сыновей Галдора от врагов: они перешли Бритиах и оказались в Димбаре. Там блуждали они, терпя великие лишения, среди холмов под сенью отвесных стен Криссаэгрима, пока не заплутали среди мороков той земли, не зная пути ни вперед, ни назад. Но углядел их Торондор и выслал им на помощь двух Орлов; Орлы подхватили братьев и перенесли их через Окружные горы в потаенную долину Тумладен, в сокрытый город Гондолин, где не бывал доселе никто из смертных.

Добрый прием оказал гостям король Тургон, узнав, какого они рода; ибо Хадор был Другом эльфов, а кроме того, Улмо загодя присоветовал ему ласково обойтись с сыновьями этого Дома, от коих придет помощь в час нужды. Хурин и Хуор прогостили во дворце Тургона без малого год; и говорится, что за это время Хурин, наделенный живым, пытливым умом, перенял многие знания эльфов и постиг отчасти намерения и замыслы короля. Тургон очень привязался к сыновьям Галдора; подолгу беседовал он с ними и воистину желал оставить их в Гондолине из любви к ним, а не только потому, что закон гласил: никто чужой, будь то эльф или смертный, отыскав путь в потаенное королевство и увидев город, не покинет Гондолина вновь, до тех пор, пока сам король не откроет врата и сокрытый народ не выйдет на свет.

Но Хурин и Хуор желали вернуться к своему народу, дабы сражаться в войнах и разделить невзгоды, выпавшие на его долю. И сказал Хурин Тургону:

– Государь, мы – всего лишь смертные, не схожи мы с эльдар. Эльфы могут терпеливо выжидать на протяжении долгих лет, пока не пробьет час великих битв; но наш срок краток, быстро иссякают надежда наша и силы. Не сами нашли мы путь в Гондолин и даже не знаем доподлинно, где находится город; страх и изумление владели нами, пока несли нас Орлы дорогами ветров; по счастью, затуманен был наш взор.

Тогда Тургон внял их просьбе и отвечал так:

– Тем путем, каким прибыли вы сюда, вольны вы и вернуться, ежели согласится Торондор. Горько мне расставаться с вами, однако, может статься, в скором времени, по меркам эльдар, встретимся мы вновь.

Уход их нимало не огорчил Маэглина, сына сестры короля, что пользовался в Гондолине немалой властью; однако недоволен остался Маэглин королевской снисходительностью, ибо не жаловал весь людской род; и сказал он Хурину:

– Милость короля больше, нежели ты думаешь; впору подивиться, с какой бы стати отменять закон ради людского отродья. Надежнее оно вышло бы, кабы не было у двух мужланов иного выбора, кроме как остаться здесь на положении наших слуг до конца жизни.

– Воистину, велика милость короля, – отвечал Хурин, – но если нашего слова недостаточно – мы поклянемся.

И братья дали клятву вовеки не разглашать замыслов короля и молчать обо всем, что видели во владениях Тургона. И распрощались они; и прилетели Орлы, и унесли сыновей Галдора под покровом ночи, и опустили их в Дор-ломине еще до рассвета. Обрадовалась братьям родня их, ибо гонцы из Бретицы уже сообщили, что те сгинули без вести; но даже отцу своему

не открыли Хурин с Хуором, где пробыли все это время – сказали только, что в глуши пришли им на помощь орлы и отнесли их домой. На это молвил Галдор:

– Стало быть, прожили вы в глуши целый год? Или, может, орлы приютили вас в своих гнездах? Но нет: нашли вы пропитание и богатые одежды, и возвращаетесь раз ряженные, что юные принцы, а отнюдь не оборванными бродягами лесными.

– Доволен будь, отец, – отвечал на это Хурин, – что мы возвратились, ибо дозволено это было только в силу обета молчания. Клятве своей верны мы и ныне.

И Галдор не расспрашивал их более; однако и он, и многие другие догадывались об истине. И обет молчания, и Орлы наводили на мысль о Тургоне; так думали про себя люди.

Шли дни, и росла и удлинялась тень страха перед Морготом. Но в четыреста шестьдесят девятом году после возвращения нолдор в Средиземье пробудилась среди эльфов и людей надежда; прошел среди них слух о деяниях Берена и Лутиэн и о том, как посрамлен Моргот – на собственном своем троне в Ангбанде; а иные уверяли, что Берен и Лутиэн до сих пор живы, а не то так воскресли из мертвых. В тот же год великие замыслы Маэдроса уже близились к завершению: благодаря возродившейся силе эльдар и эдайн остановлен был натиск Моргота, а орки выдворены из Белерианда. Заговорили в ту пору о грядущих победах и о воздаянии за Битву Браголлах, когда Маэдрос поведет в бой объединенные воинства и загонит Моргота под землю и намертво запечатает Врата Ангбанда.

Но мудрых по-прежнему одолевала тревога: опасались они, что Маэдрос слишком рано явил свою растущую силу и что у Моргота достанет времени измыслить, как совладать с ним.

– В Ангбанде то и дело рождается новое зло, коего не предугадать эльфам и людям, – говорили они.

Осенью того же года, в подтверждение их слов, тлетворный ветер налетел с Севера под свинцово-серыми небесами. Моровое Дыхание назвали его, ибо нес он в себе пагубу, и на исходе года многие занедужили и умерли в северных землях, граничащих с равниной Анфауглит – по большей части дети и подростки.

В тот год Турина, сыну Хурина, было только пять лет от роду, а сестре его Урвен в начале весны исполнилось три. Волосы у нее были, что золотые лилии в траве, когда резвилась она в полях, а смех звенел, что голос реки, которая рождалась в холмах и, весело журча, протекала под стенами ее отчего дома. Нен Лалайт нарекли ту речку, и по ней все домочадцы называли дитя Лалайт, и светлело у них на душе при виде девочки.

Турина же любили меньше, чем его сестру. Он уродился темноволосым, в мать, и, по всему судя, унаследовал и ее нрав; ибо веселости чуждался; был он немногословен, хотя говорить научился рано и неизменно казался старше своих лет. Турин нескоро забывал обиду или насмешку; но внутренний пламень отца пылал и в нем – Турин тоже бывал порывист и яростен. Однако ж знал он и жалость: боль и горе живого существа трогали его до слез; в этом он тоже пошел в отца, ибо Морвен была строга к другим так же, как к себе. Турин любил мать, ибо она говорила с ним просто и прямо, а отца он почти не видел: Хурин то и дело надолго отлучался из дома и уезжал в войско Фингона, что охраняло восточные границы Хитлума, а когда возвращался, его живая, быстрая речь, пересыпанная незнакомыми словами, и шутками, и полунамеками, озадачивала Турина, и тот чувствовал себя неуютно. В ту пору все тепло души своей дарил он сестренке Лалайт, но редко играл с ней: Турина больше нравилось невидимым оберегать ее и любоваться, как резвится она в траве или под деревом и поет песенки, что дети эдайн сложили давным-давно, когда язык эльфов был еще свеж на их устах.

– Прекрасна Лалайт, как эльфийское дитя, да только, увы, век ей отпущен недолгий, – говорил Хурин жене своей Морвен. – И оттого, верно, кажется она еще прекраснее – и еще дороже.

Турин же, услышав эти слова, задумался над ними, но так и не постиг их смысла. Эльфийских детей видеть ему не доводилось. В ту пору эльдар не жили в землях его отца; лишь

один-единственный раз случилось Турину узреть их – когда король Фингон и многие его лорды пересекли Дор-ломин и проехали по мосту через Нен Лалайт, в искристом блеске серебра и белизны.

Но еще до конца года слова его отца обернулись истиной; в Дор-ломин пришло Моровое Дыхание, и слег Турин, и долго пролежал в жару, во власти темных снов. Когда же исцелился он, ибо такова была его судьба и сила жизни, в нем заключенная, он спросил про Лалайт. Нянька же ответствовала:

– Не говори более о Лалайт, сын Хурина; о сестре же своей Урвен должно тебе спросить у матери.

И вот пришла к нему Морвен, и молвил ей Турин:

– Я уже не болен и хочу видеть Урвен; но почему нельзя мне больше говорить «Лалайт»?

– Потому что Урвен умерла и стих смех в этом доме, – отвечала она. – Но ты жив, сын Морвен; жив и Враг, содежавший такое с нами.

Морвен не пыталась утешить сына, как и сама утешения не искала: она встречала горе молча, с заледеневшим сердцем. Но Хурин скорбел открыто: взял он свою арфу, и хотел было сложить плач, но не смог, и разбил он арфу, и выбежал из дому, и простер руку в сторону Севера, восклицая:

– Ты, что калечишь Средиземье, кабы мне повстречаться с тобою лицом к лицу и искалечить тебя так же, как господин мой Финголфин!

Турин же горько плакал ночами в одиночестве, хотя при Морвен он никогда более не упоминал имени сестры. К единственному другу обращался он в ту пору, только ему говорил о своей скорби и о том, как пусто сделалось в доме. Другом этим был один из домочадцев Хурина, именем Садор; был он хром и мало с ним считались. Прежде был он лесорубом и по несчастливой случайности либо по собственной оплошности отрубил себе топором правую ступню, и нога его усохла. Турин прозвал его Лабадалом, что значит Хромоног, хотя имя это Садора не обижало: ведь подсказано оно было жалостью, а вовсе не презрением. Садор работал в надворных постройках – мастерил или чинил всякие мелочи, потребные в доме, так как плотник был не из худших; Турин же порою подавал ему одно и другое, чтобы тот не трудил лишней ногой, а порою уносил тайком какой-нибудь инструмент или кусок древесины, брошенные без присмотра, ежели думал, что другу они пригодятся. Садор улыбался, но всякий раз велел мальчику возвратить подарок на место.

– Дари щедрой рукой, но дари лишь свое, – говаривал он.

Садор, как мог, платил ребенку добром за добро и вырезал для него фигурки людей и зверей; но больше все го Турин любил рассказы Садора, ибо молодость того пришлась на пору Браголлах, и ныне Садор охотно вспоминал о тех недолгих днях, когда был силен и крепок, и не стал еще калеккой.

– Говорят, великая то была битва, сын Хурина. Меня отозвали от трудов моих в лесах, ибо в тот год большая нужда была в людях, но в Браголлах я не сражался, а не то, пожалуй, получил бы увечье более почетное. Слишком поздно подросли мы, для того лишь, чтобы унести назад на носилках тело старого правителя, Хадора: он погиб, защищая короля Финголфина. После того я и стал ратником и прослужил в великой твердыне эльфийских королей, Эйтель Сирион, много лет, или, может, теперь мне так кажется – ведь последующие годы и вспомнить-то особо нечем. Я был там, когда напал Черный Король, и Галдор, отец твоего отца, командовал в крепости от имени короля. В том штурме он и погиб; я видел, как твой отец принял власть и возглавил оборону, хотя едва успел возмужать. Говорили, будто пылает в нем огонь, так, что меч раскаляется в его руке. Ведомые им, мы отгнали орков в пески; и с того самого дня они уж не смели появляться в виду стен. Но увы! Сполна утолил я жажду, ибо вдоволь насмотрелся на кровь и раны, и испросил я дозволения вернуться в леса, по которым стосковался душою.

Там-то и покалечился я: убегая от своего страха, часто обнаруживаешь, что на самом-то деле поспешил коротким путем ему навстречу.

Так говорил Садор с Хурином, когда тот подрост; Хурин же начал задавать бессчетные вопросы, на которые Садору непросто было ответить, и думал он про себя, что должно бы наставлять мальчика родичам более близким. Однажды Турин спросил его:

– А Лалайт в самом деле походила на эльфийское дитя, как уверял отец? И что он имел в виду, говоря, что недолгий срок ей отпущен?

– Очень походила, – подтвердил Садор, – ведь на заре юности дети людей и эльфов кажутся близкой родней. Но дети людей взрослеют куда быстрее и скоро проходит юность их; такова наша судьба.

– Что такое судьба? – спросил Турин.

– О судьбе людей должно тебе спросить тех, кто мудрее Лабадала, – отозвался Садор. – Ну да всем ведомо: скоро устаем мы и умираем; а многие по несчастной случайности гибнут и раньше. Эльфы же не знают усталости и умирать не умирают, кроме как от самого тяжкого увечья. От ран и печалей, что убивают людей, эльфы могут исцелиться; а иные говорят, будто эльфы возвращаются в мир, даже если искалечены тела их. Не так оно с нами.

– Значит, Лалайт не вернется? – спросил Турин. – Куда же ушла она?

– Не вернется, – подтвердил Садор. – Но куда ушла она, никому из людей неизвестно; мне, во всяком случае – нет.

– И так было всегда? Или, может, всему виной какое-нибудь проклятие злобного Короля – вроде Морового Дыхания?

– Не знаю. Тьма лежит за нами, и из тьмы той немного пришло преданий. Отцам наших отцов, верно, было что рассказать – да только не рассказали они ничего. Даже имена их и то позабыты. Горы стоят между нами и той жизнью, что оставили они, спасаясь от беды, а какой – никому ныне неизвестно.

– Их пригнал страх? – спросил Турин.

– Может статься, и так, – отвечал Садор. – Может статься, мы бежали от страха пред Тьмой, да только здесь столкнулись с ней лицом к лицу, и некуда нам больше бежать, кроме как к Морю.

– Но теперь мы уже не боимся, – отозвался Турин, – во всяком случае, не все мы, нет. Отец мой не знает страха; и я тоже бояться не стану; или по крайней мере бояться стану, но страха не выкажу, как моя матушка.

И почудилось в ту пору Садору, что глядит на него Турин глазами не ребенка, но взрослого, и подумал он: «Горе – что точило для сильного ума». Вслух же сказал он так:

– Сын Хурина и Морвен, что станется с твоим сердцем, Лабадалу не предугадать, только нечасто и немногим станешь ты его открывать.

Тогда молвил Турин:

– Пожалуй, ежели не дано получить, чего хочешь, так лучше о том и не заговаривать. Только вот хотелось бы мне, Лабадал, быть одним из эльдар. Тогда Лалайт однажды возвратилась бы, а я по-прежнему ждал бы ее здесь, даже если бы нес скоро пришла она. Я стану ратником эльфийского короля, как только подрасту, – подобно тебе, Лабадал.

– Многому сможешь ты научиться от эльфов, – промолвил Садор со вздохом. – Эльфы – народ прекрасный и дивный, и обладают они властью над сердцами людей. И однако ж думается мне порой, что лучше оно было бы, кабы нам с ними никогда не встречаться, а жить своей собственной немудреной жизнью. Ибо древний народ сей владеет многовековой мудростью; горды они и стойки. В их свете меркнем мы – или сгораем слишком быстро, и бремя участи нашей тяжелее давит на плечи.

– Отец мой любит их великой любовью, – возразил Турин, – и не знает он радости вдали от них. Он говорит, мы научились у эльфов едва ли не всему, что знаем, и сделались выше и благороднее; а еще он говорит, что люди, недавно пришедшие из-за гор, ничем не лучше орков.

– То правда, – отвечал Садор, – по крайней мере о некоторых из нас. Но подниматься вверх мучительно, а с высоты слишком легко сорваться в бездну.

В ту пору Турину было почти восемь, в месяце гваэрон по счету эдайн, в год, что не позабудется вовеки. Среди старших уже ходили слухи о великом сборе и сходе воинств, Турин же о том ничего не слышал, хотя примечал, как отец то и дело обращает на него пристальный взор: так глядят на нечто дорогое, с чем поневоле предстоит расстаться.

Хурин же, зная, сколь отважна его жена и сколь сдержанна на язык, часто беседовал с Морвен о замыслах эльфийских королей и о том, чем обернется победа либо поражение. Сердце его было преисполнено надежды, и мало страшился он за исход битвы; ибо казалось ему, что никакая сила в Средиземье не сумеет сокрушить мощь и величие эльдар.

– Они видели Свет Запада, – говорил он, – и в конце концов Тьма отступит пред ними.

Морвен ему не возражала; рядом с Хурином всегда верилось в лучшее. Но и в ее роду хранили эльфийское знание, и про себя молвила она: «И однако ж разве не покинули они Свет и разве не отрезаны от него ныне? Может статься, что Владыки Запада более об эльфах не вспоминают; и как же тогда им, пусть и Старшим Детям, одолеть одного из Властей?»

Ни тени подобных сомнений, похоже, не тревожило Хурина Талиона; но однажды утром по весне того года проснулся он, точно от недоброго сна, и в тот день словно бы туча омрачила его свет и радость; а вечером внезапно сказал он:

– Когда призовут меня к войску, Морвен Эледвен, оставлю я на твоём попечении наследника Дома Хадора. Коротка жизнь людская, и изобилует несчастными случайностями, даже и в мирные времена.

– Так было всегда, – отвечала Морвен. – Но что стоит за твоими словами?

– Благоразумие, не сомнение, – промолвил Хурин, хотя вид у него был встревоженный. – Тот, кто смотрит вперед, в будущее, не может не понимать: мир не останется прежним. Слишком многое поставлено на кон, и одна из сторон неизбежно утратит то, чем сейчас владеет. Если падут эльфийские короли, худо придется эдайн; а ведь мы живем ближе всех к Врагу. Эта земля, чего доброго, отойдет под его власть. Если все и впрямь обернется к худшему, я не скажу тебе: «Не бойся!» Ибо боишься ты лишь того, чего должно бояться, и не более; и страх тебя не пугает. Но говорю я: «Не мешкай!» Я вернусь к тебе, коли смогу – но не мешкай! Поспешь на юг – если я уцелею, так последую за тобой и найду тебя, даже если мне придется обыскать весь Белерианд.

– Обширен Белерианд, да только не найдется в нем крова для бесприютных изгнанников, – промолвила Морвен. – Куда бежать мне, будь то со многими либо немногими?

Хурин помолчал немного, размышляя.

– В Бретиле живет родня моей матери, – проговорил он. – Лигах в тридцати отсюда, ежели напрямик.

– Коли и впрямь настанут недобрые времена, что проку искать помощи у людей? – возразила Морвен. – Дом Беора пал. Если падет великий Дом Хадора, в какие норы забьется малый народ Халет?

– В те, которые отыщутся, – откликнулся Хурин. – И все же не сомневайся в их доблести, пусть немногочисленны они и неучены. Где еще искать надежду?

– Ты не говоришь о Гондолине, – промолвила Морвен.

– Не говорю; это имя вовеки не срывалось с моих уст, – отозвался Хурин. – Однако слухи не лгут; я и впрямь побывал там. Но говорю тебе ныне правду, как никому другому не говорил и не скажу: я не знаю, где находится город.

– Однако ты догадываешься, и думается мне, догадка твоя близка к истине, – возразила Морвен.

– Может, и так, – промолвил Хурин. – Но ежели сам Тургон не освободит меня от клятвы, я не могу высказать догадку вслух, даже тебе; и потому искать ты станешь напрасно. А даже если бы и заговорил я, себе на позор, ты в лучшем случае доберешься лишь до запертых врат; ибо внутрь не впустят никого – разве что Тургон выступит на войну (о чем ни слова не слышно и надежды на то нет).

– Тогда, раз на родню твою уповать не приходится, а друзья от тебя отрекаются, придется мне решать самой, – промолвила Морвен, – и запала мне ныне на ум мысль о Дориате.

– Как всегда, высоко метишь, – отозвался Хурин.

– Скажешь, чересчур высоко? – возразила Морвен. – Но из всех укреплений Пояс Мелиан падет последним, думается мне; а Дом Беора в Дориате презирать не станут. Разве не в родстве я с королем? Ибо Берен, сын Барахира, был внуком Брегора, как и мой отец.

– Сердце мое не склоняется к Тинголу, – отозвался Хурин. – Не шлет он помощи королю Фингону; и не ведаю, что за тень омрачает мне душу, стоит упомянуть про Дориат.

– При упоминании Бретиля омрачается и мое сердце, – отвечала Морвен.

Тут Хурин вдруг рассмеялся и молвил:

– Хороши мы, нечего сказать – сидим тут да спорим о вещах за пределами нашего разума и о тенях, порождениях снов. Настолько худо нам не придется; а коли придется, что ж – тогда все зависит от твоей отваги и рассудительности. Тут уж поступай, как велит тебе сердце – но быстро. А если победа останется за нами, тогда эльфийские короли намерены возратить все вотчины дома Беора его наследнице – тебе, Морвен, дочь Барагунда. Тогда обширными владениями станем мы править, и славное наследство перейдет к нашему сыну. Коли не останется зла на Севере, уж верно, обретет он великое богатство и станет королем среди людей.

– Хурин Талион, – произнесла Морвен, – по мне, так справедливее будет сказать: ты глядишь высоко, я же страшусь пасть низко.

– Даже в самом худшем случае не тебе этого бояться, – отозвался Хурин.

Той ночью примерещилось Турину сквозь сон, будто мать и отец со свечами в руках склонились над его постелью и глядят на него сверху вниз; но лиц их он не видел.

Утром в день рождения Турина Хурин вручил сыну подарок, нож эльфийской работы, в серебряных черных ножнах и с такой же рукоятью, и молвил он так:

– Наследник Дома Хадора, вот тебе ныне дар. Но поберегись! То острый клинок, а сталь служит только тем, кто умеет с ней управиться. Твою руку он рассечет столь же охотно, как и все другое.

И, поставив Турина на стол, он поцеловал сына и молвил:

– Ты уже и меня перерос, сын Морвен; скоро будешь так же высок и стоя на своих ногах. В тот день, верно, многие устроятся твоего клинка.

Тогда Турин выбежал из комнаты и ушел бродить один, и на душе у него было тепло – вот так же солнце согревает холодную землю, пробуждая к жизни молодую поросль. Он повторял про себя слова отца, «Наследник Дома Хадора», но и другие слова вспомнились ему: «Дари щедрой рукой, но дари лишь свое». И пришел он к Садору, и закричал:

– Лабадал, сегодня день моего рождения, нынче родился наследник Дома Хадора! И принес я тебе дар в честь такого дня. Вот нож, как раз такой, как тебе надобен; он разрежет все, чего угодно, и тонко – тоньше волоса!

Смутился Садор, ибо хорошо знал, что Турин сам получил этот нож не далее как сегодня; но среди людей недостойным считалось отказываться от дара, врученного по доброй воле чьей бы то ни было рукою.

– Ты – потомок великодушного рода, Турин, сын Хурина, – серьезно проговорил Садор. – Ничем не заслужил я подобного дара и не надеюсь заслужить за оставшиеся мне дни; но что смогу, сделаю. – И Садор извлек нож из ножен и молвил: – Вот уж дар так дар: клинок эльфийской стали. Давно скучаю я по такому.

Хурин вскорости приметил, что Турин ножа не носит, и спросил сына, неужто убоился тот клинка из-за отцовского предостережения. Турин же отвечал:

– Нет; я подарил нож Садору-плотнику.

– Или пренебрегаешь ты отцовским даром? – спросила Морвен; и вновь отвечивал Турин:

– Нет; но я люблю Садора, и жаль мне его.

На это молвил Хурин:

– Всеми тремя дарами волен ты был распорядиться по своей воле, Турин: и любовью, и жалостью, и ножом – наименьшим из трех.

– Однако ж сомневаюсь я, что Садор их заслуживает, – отозвалась Морвен. – По собственной оплошности покалечился он, и в работе не сноровист, ибо тратит немало времени на пустяки, ему не порученные.

– И тем не менее пожалей его, – проговорил Хурин. – Честная рука и верное сердце могут и промахнуться; и такую беду выносить тяжелее, нежели козни врага.

– Но теперь нескоро тебе достанется другой клинок, – промолвила Морвен. – Такова суть истинного дара – ибо дарить должно в ущерб себе.

Тем не менее Турин приметил, что с тех пор с Садором обходились добрее; теперь поручили ему сработать для господина великолепное кресло в парадную залу.

Ясным утром в месяц лотрон Турина разбудило пение труб; выбежав к дверям, он увидел во дворе великое скопление народу, и пеших, и конных, все – в полном боевом вооружении. Стоял там и Хурин – говорил с людьми и отдавал приказы; и узнал Турин, что войско ныне выступает в Барад Эйтель. Здесь собралась Хуринова дружина и домочадцы; однако ж в войско созвали всех мужей той земли, способных встать в строй. Иные уже ушли с Хуором, братом его отца, а многие другие должны были присоединиться к владыке Дор-ломина по дороге и идти под его знаменем на великий воинский сбор короля.

Морвен распрощалась с Хурином. Глаза ее были сухи. И промолвила она:

– Я сберегу, что оставил ты на моем попечении: и то, что есть, и то, что будет.

И отвечивал ей Хурин:

– Прощай, владычица Дор-ломина; выезжаем мы ныне в путь, окрыленные надеждой, как никогда прежде. Будем же уповать, что в середине зимы попируем мы веселее, нежели за все прошлые годы, а вслед за тем настанет весна, страхом не омраченная!

И подхватил он Турина, и усадил его на плечо, и закричал своим воинам:

– Пусть поглядит наследник Дома Хадора, как сияют ваши мечи!

И сверкнули под солнцем пятьдесят клинков, и зазвенел над двором боевой клич эдайн Севера:

– *Лахо калад! Дрего морн!* Да воссияет свет! Да бежит ночь!

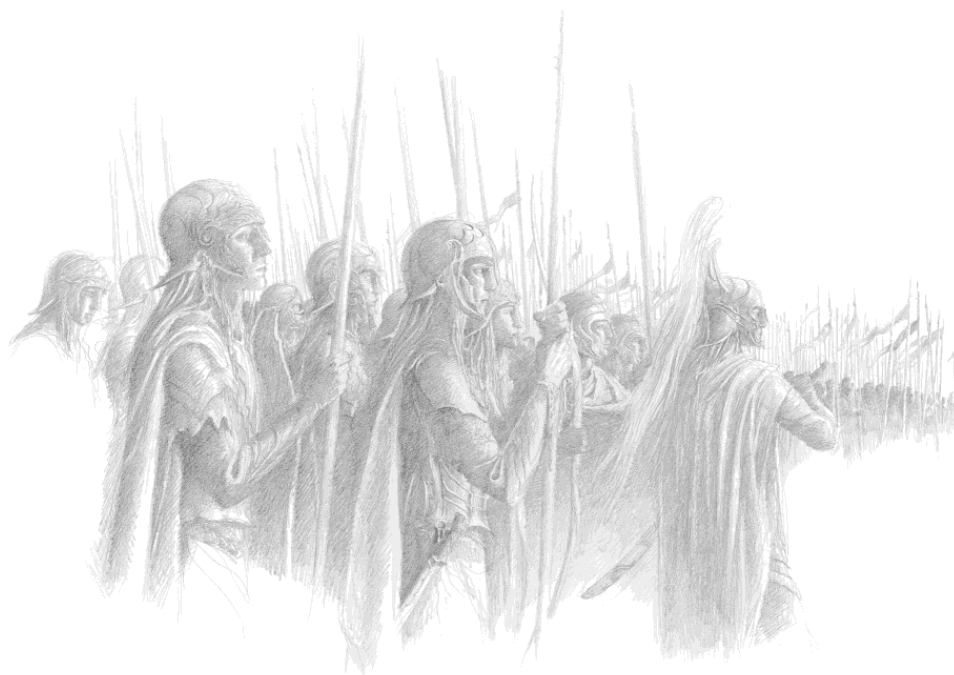
* * *

И вот, наконец, Хурин вскочил в седло, и развернулось золотое знамя, и вновь запели утренние трубы; так Хурин Талион уехал на битву Нирнаэт Арноэдиад.

А Морвен и Турин недвижно стояли у дверей, до тех пор, пока издали не донес до них ветер отголосок одинокого рога: Хурин перевалил за гребень холма, откуда не видел уже более своего дома.

Глава II

Битва бесчисленных слез

Немало песен поют и поныне, немало сказаний рассказывают среди эльфов о Нирнаэт Арноэдиад, Битве Бесчисленных Слез, в которой пал Фингон и погиб цвет народа эльдар. Если поведать обо всем, что было, жизни человеческой не хватит, чтобы выслушать повесть до конца. Здесь же речь пойдет лишь о тех деяниях, что имеют отношение к судьбе Дома Хадора и детей Хурина Стойкого.

Собрав наконец все силы, что смог, Маэдрос назначил день – утро середины лета. В тот день трубы эльдар возвестили восход солнца; на востоке взвилось знамя сыновей Феанора, а на западе – стяг Фингона, Верховного короля нолдор.

Тогда Фингон взглянул вниз со стен крепости Эйтель Сирион: воинство его, выстроенное в боевом порядке в долинах и лесах восточных склонов Эред Ветрин, надежно было укрыто от глаз Врага; но знал Фингон, сколь велико оно. Здесь собрались все нолдор Хитлума, а к ним примкнули многие эльфы Фаласа и Нарготронда, и бесчисленные армии людей. Справа разместились рать Дор-ломина, и доблестные воины Хурина и Хуора, брата его; к ним же приспели родич их Халдир Бретильский и многие жители лесов.

Тогда Фингон поглядел на восток и острым эльфийским взором различил вдали клубы пыли и блеск стали, словно мерцание звезд в тумане, и понял – Маэдрос выступил в путь, и возликовал король. Затем обратил Фингон взор свой к Тангородриму: над горой сгустилось темное облако и курился черный дым; и понял король – разгорелась ярость Моргота и принят будет вызов, – и тень сомнения омрачила его сердце. Но в тот самый миг поднялся ликующий крик: ветер нес его с юга, от долины к долине, и голоса эльфов и людей слились в общем хоре изумления и радости. Ибо, неожиданным и незванным, Тургон распахнул врата Гондолина и теперь спешил к эльфам на помощь с десяти тысячным воинством; сияли кольчуги, а длинные мечи и копья оцетинились, словно лес. Издалека слышал Фингон могучую трубу Тургона, и сгинула тень, и воспрял он духом, и воскликнул:

– *Утулиэ’н аурэ! Айа эльдалиэ ар атанатари, утулиэ’н аурэ!* День настал! Се, народ эльдар и отцы людей, день настал!

И все, кто услышал, как гулкий голос Фингона эхом гремит среди холмов, отозвались:

– *Аута и ломэ!* Ночь отступает!

Вскороги завязалась великая битва. Моргот знал многое о том, что делают и замышляют его недруги, и загодя подготовился в преддверии их атаки. Великая рать из Ангбанда уже приближалась к Хитлуму, а вторая армия, еще многочисленнее, шла навстречу Маэдросу, да бы не дать воссоединиться воинствам королей. Те же, что выступили против Фингона, облачены были в серо-бурые одежды и сталь не сияла на солнце – потому далеко удалось им продвигаться через пески Анфауглита, прежде чем прознали об их приближении.

Тогда сердца нолдор запыхали яростью, и вожди их уже хотели атаковать врагов на равнине, но Фингон воспротивился этому.

– Остерегайтесь Морготова коварства, о владыки! – взывал он. – Мощь его неизменно превосходит ожидания, а замысел оказывается иным, нежели поначалу являет Моргот взгляду. Не обнаруживайте собственную силу раньше времени, пусть враг сперва порастратит свою, штурмуя холмы.

Ибо по замыслу королей Маэдросу предстояло открыто пройти через равнину Анфауглит со всеми своими объединенными силами эльфов, людей и гномов; когда же главные армии Моргота, как надеялся Маэдрос, выступят им навстречу, тогда с запада подоспеет Фингон, и так силы Моргота окажутся словно между молотом и наковальней и будут смяты; знаком же к тому послужит яркий сигнальный огонь в Дортонионе.

Однако полководец Моргота на западе получил приказ любыми средствами выманить Фингона с холмов. Потому он двинулся дальше, пока авангард его войска не выстроился вдоль реки Сирион, от стен крепости Барад Эйтель до Топи Серех; и аванпосты Фингона могли уже видеть глаза врагов. Но не было ответа на вызов, зловеще молчали высокие стены, и холмы таили в себе угрозу, и смолкли насмешки орков.

Тогда Морготов полководец выслал всадников словно бы для переговоров, и подъехали они к внешним укреплениям Барад Эйтель. С собою привезли они Гельмира, сына Гуилина, эльфа знатного рода из Нарготронда: он был захвачен в Браголлах, и враги ослепили его; и герольды вывели пленника вперед, крича:

– У нас дома еще много таких же, но вам стоит поторопиться, коли хотите застать их в живых. Ибо со всеми мы обойдемся вот так же – дайте только вернуться.

И они отрубили Гельмиру руки и ноги – и бросили его у стен.

По роковой случайности в этом самом месте аванпоста стоял Гвиндор, сын Гуилина, со многими эльфами Нарготронда; и, воистину, выступил он на войну, собрав столько воинов, сколько смог, поскольку горевал о захваченном в плен брате. Теперь же, пылая гневом, он вскочил в седло и во главе отряда всадников бросился в погоню за герольдами, и зарубили их эльфы, и все воины Нарготронда устремились следом, и глубоко вклинились в ангбандские ряды. При виде этого воодушевилось войско нолдор, и Фингон надел свой белый шлем и велел трубить в трубы, и все его воинство хлынуло вдруг с холмов и ринулось в атаку.

Засверкали мечи нолдор, извлеченные из ножен, словно огонь, пожирающий сухой тростник; столь яростным и стремительным оказался натиск эльдар, что замыслы Моргота едва не пошли прахом. Армия, посланная им на запад, дабы отвлечь неприятеля, была сметена и уничтожена прежде, чем к ней подоспело подкрепление, и стяги Фингона взвились над равниной Анфауглит и затрепетали под стенами Ангбанда.

В первых рядах сражались Гвиндор и эльфы Нарготронда: даже теперь невозможно было сдержать их: они прорвались во внешние ворота и перебили стражу во дворе Ангбанда, и Моргот содрогнулся на своем подземном троне, заслышав удары в двери. Но Гвиндор оказался в ловушке: его захватили живым, а отряд его уничтожили до последнего воина; ибо Фингон не

сумел прийти к нему на помощь. Через бесчисленные потайные двери Тангородрима Моргот провел на поверхность основные силы, что ждали своего часа, и Фингон был отброшен от стен Ангбанда с великими потерями.

И вот на четвертый день войны на равнине Анфауглит началась Нирнаэт Арноэдиад, Битва Бессчетных Слез; и ни одной повести не вместить всего ее горя. Обо всем, что случилось в восточной части поля битвы – о том, как гномы Белегоста обратили в бегство дракона Глаурунга; о предательстве восточан и о разгроме воинства Маэдроза, и о бегстве сынов Феанора, более не говорится здесь ни слова. На западе же армия Фингона отступила через пески – там пал Халдир, сын Халмира, и почти все мужи народа Бретиля. На пятый день, когда опустилась на землю ночь, воинство Фингона находилось еще далеко от Эред Ветрин; ангбандские полчища окружили его, и сражение длилось до рассвета, и все теснее смыкалось кольцо. Но с зарей пришла надежда: донесся звук рогов Тургона, что вел на подмогу основное войско Гондолина: а до того Тургон стоял лагерем южнее, охраняя ущелья Сириона, и удержал он большую часть своего народа от опрометчивой атаки. Теперь же он спешил на помощь брату; сильны были нолдор Гондолина, и строй их сиял, точно река расплавленной стали под лучами солнца, – ибо меч и доспех последнего из воинов Тургона ценились дороже выкупа, что брали когда-либо за короля из рода людей.

И вот отряд королевских дружинников прорвался сквозь ряды орков, и Тургон мечом проложил путь к брату. Рассказывают, что радостной была встреча Тургона и Хурина в разгар битвы – Хурин же сражался бок о бок с Фингоном. На краткое время оттеснили назад ангбандские полчища, и вновь стал отступать Фингон. Но, разгромив Маэдроза на востоке, Моргот ныне располагал огромными силами, и не успели Фингон с Тургоном отойти под защиту холмов, как на них хлынул поток врагов, вдвое превышающий поредевшие рати эльфов. Был там Готмог, войсководитель Ангбанда: его армия черным клином врезалась между эльфийскими воинствами, отбросив Тургона и Хурина к Топи Серех, а Фингон оказался в кольце врагов. И бросился на него Готмог: мрачная то была встреча. И вот Фингон остался один среди поверженной своей дружины, и бился он с Готмогом, пока не подобрался сзади еще один балрог и не захлестнул его стальной плетью. Тогда Готмог зарубил Фингона своим черным топором, и из рассеченного шлема Фингона взметнулось белое пламя. Так пал король нолдор, и враги булавами вбили его тело в грязь, а королевское знамя, синее с серебром, втоптали в пролитую им кровь.

Битва была проиграна; но Хурин, Хуор и немногие уцелевшие из Дома Хадора еще сражались плечом к плечу с Тургоном из Гондолина, не отступая ни на шаг; и полчищам Моргота не удавалось отбить ущелье Сириона. Тогда обратился Хурин к Тургону и молвил:

– Уходи, владыка, пока есть время! Ты – последний из Дома Фингольфина, и в тебе заключена последняя надежда эльдар. Пока стоит Гондолин, в сердце Моргота будет жить страх.

– Недолго теперь оставаться Гондолину сокрытым от чужих глаз, а как только обнаружат город, суждено ему пасть, – отозвался Тургон.

– Однако ж, если выстоит город еще немного, – проговорил Хуор, – тогда из дома твоего явится надежда эльфов и людей. Вот что я скажу тебе, владыка, в смертный мой час: хотя расстанемся мы сейчас навсегда, и не увижу я вновь твоих белокаменных стен, от тебя и меня родится и взойдет над миром новая звезда. Прощай!

А Маэглин, сын сестры Тургона, стоял тут же и слышал эти слова, и крепко их запомнил.

Тогда Тургон внял совету Хурина и Хуора и отдал приказ своему войску отступать в ущелья Сириона, а военачальники его Эктелион и Глорфиндель обороняли от врага правый и левый фланги, поскольку единственная дорога в тех краях была весьма узка и пролежала вдоль западного берега Сириона, что постепенно набирал силу. Но люди Дор-ломина прикрывали отступление, как пожелали того Хурин и Хуор, ибо сердца их противились тому, чтобы бежать из северных земель, и если не суждено было им возвратиться к домам своим, вознамерились

они держаться до конца. Вот так Тургон пробился к югу и, выйдя из-под прикрытия Хурина и Хуора, прошел вниз по течению Сириона и ускользнул от врагов, и исчез в горах, сокрывшись от взора Моргота. Братья же собрали вокруг себя уцелевших воинов из Дома Хадора и, пядь за пядью, отступили, наконец, за Топь Серех, так, что прямо перед ними тек Ривиль. Там остановились они и более не отступали.

Тогда обрушились на них все ангбандские полчища, и поток запружен был мертвыми телами; враги окружили остатки войск Хитлума, и все теснее смыкалось кольцо – так морской прилив надвигается на скалу. На шестой день, когда Солнце склонялось к западу и удлинились темные тени Эред Ветрин, Хуор пал, пронзенный отравленной стрелой, что впиалась ему в глаз; а вокруг него беспорядочной грудой лежали мертвые тела доблестных воинов Хадора. Орки поотрубали им головы и свалили в кучу – точно курган чистого золота в закатном зареве.

Хурин выстоял дольше других. Оставшись же в одиночестве, он отшвырнул свой щит и поднял двумя руками топор орочьего военачальника; и говорится в песнях, что лезвие топора дымилось от черной крови троллей из дружины Готмога – и со временем затупилось; и всякий раз, как падал поверженный враг, Хурин восклицал: «Аурэ энтулува! Еще придет день!» Семьдесят раз издавал он этот клич; но наконец враги захватили его живым по повелению Моргота, который замыслил причинить ему больше зла, нежели просто смерть. Орки вцеплялись в Хурина когтями, и не разжималась хватка, даже когда Хурин отсекал им лапы; и не убывало число врагов, и, наконец, Хурин рухнул, погребенный под тяжестью их тел. Тогда Готмог связал его и, насмехаясь, потащил в Ангбанд.

И вот Солнце опустилось за море, и закончилась битва Нирнаэт Арноэдиад. В Хитлуме наступила ночь, и с Запада налетел ураган.

Моргот торжествовал победу, хотя не все еще сбылись подсказанные злобой замыслы. Одна дума не давала ему покоя и омрачала его триумф беспокойством: Тургон ускользнул из его тенет – а из всех своих врагов именно Тургона Морготу особенно хотелось захватить или уничтожить. Тургон из великого Дома Финголфина ныне по праву стал королем над всеми нолдор, Моргот же ненавидел Дом Финголфина и боялся его, ведь род сей презирал его в Валиноре и был в дружбе с Ульмо, его недругом; а так же и потому еще, что Финголфин изранил Моргота в битве. Никого так не страшился Моргот, как Тургона: еще встарь, в Валиноре, приметил его Моргот, и при одном только приближении Тургона темная тень омрачала его душу, пред вещая, что когда-нибудь, в неведомом еще сужденном будущем Тургон явится орудием его гибели.

Глава III

Речи Хурина и Моргота

И вот по велению Моргота орки с превеликим трудом снесли в одно место тела своих недругов, и все их доспехи и оружие, и вырос курган посреди равнины Анфауглит, подобный громадному холму, и виден был издалека; эльдар же называли его Хауд-эн-Нирнаэт. И пробилась там молодая поросль, и зазеленели густые, пышные травы – точно не лежала вокруг мертвая пустыня; и ни один прислужник Моргота впредь не смел ступить на землю кургана, под которой мечи эльдар и эдайн ржавели и обращались в прах. Королевство Фингона не существовало более, и Сыны Феанора скитались по свету, точно листья, гонимые ветром. В Хитлум же не возвратился никто из мужей Дома Хадора, и не было вестей ни об исходе битвы, ни об участии владык. Моргот выслал в Хитлум людей, ему подвластных, – смуглых восточан; и запер их в той земле, и запретил им покидать ее пределы. Вот и все, что досталось им из обещанных богатых наград за измену Маэдросу: позволили им грабить и тиранить стариков, детей и женщин народа Хадора. Уцелевших эльдар Хитлума – тех, которым не удалось скрыться в горах и чашах, – отправил Моргот в ангбандские копи и сделал своими рабами. Орки рыскали беспрепятственно по всему Северу, продвигаясь дальше и дальше на юг, в Белерианд. Дориат до поры уцелел, а также и Нарготронд, но Моргота это не слишком тревожило: либо он знал о них слишком мало, либо почитал, что не пробил еще их час в свершении злых его замыслов. Но думы его непрестанно возвращались к Тургону.

И вот привели к Морготу Хурина, ибо прознал Моргот благодаря колдовству и своим соглядатаям, что тот в дружбе с королем; и попытался Моргот устроить пленника взором. Но не устрасился до поры Хурин и не склонил головы. Тогда Моргот повелел сковать его цепями и подвергнуть изощренной пытке; однако спустя некоторое время явился он к пленнику и предложил ему выбор: свободно идти куда вздумается либо обрести немалую власть, став первым из военачальников Ангбанда – если только согласится он открыть, где крепость Тургона, и все, что знает о замыслах короля. Но Хурин Стойкий насмеялся над ним, говоря:

– Слеп ты, Моргот Бауглир, и вовеки не прозреть тебе, ибо видишь только тьму. Не понять тебе, что движет сердцами людей, а кабы и понял – так дать это не в твоих силах. Глуп тот, кто примет посулы Моргота. Сперва взыщешь ты назначенную тобою цену, а затем не удержишь обещания; только смерть обрел бы я, кабы открыл тебе то, что тщишься узнать.

Тогда расхохотался Моргот и молвил:

– Ты еще станешь молить меня о смерти как о даре.

И отвел он Хурина на Хауд-эн-Нирнаэт: лишь недавно возведен был курган и нависал над ним тяжелый дух смерти; и поставил Моргот Хурина на вершине и повелел ему поглядеть на запад, в сторону Хитлума, и вспомнить о жене, и сыне, и прочей родне своей.

– Ибо теперь в моих владениях живут они, и уповать им отныне на мою милость, – рек Моргот.

– Нельзя уповать на то, чего нет, – отозвался Хурин. – Но через них не добраться тебе до Тургона; ибо неведомы им его тайны.

Тогда ярость овладела Морготом, и рек он:

– Зато до тебя-то я доберусь, и до всего твоего проклятого рода; и воля моя сокрушит вас, будь вы все хоть из стали.

И поднял он с земли длинный меч и переломил его перед глазами Хурина; и осколок оцарапал пленнику лицо, но Хурин не отвел взгляда. Тогда Моргот простер длань в сторону Дор-ломина и проклял Хурина и Морвен, и потомство их, говоря:

– Узри же! Тень моих помыслов падет на них, куда бы ни направили они шаг, а ненависть моя станет преследовать их до самых границ мира.

Отозвался Хурин:

– Пустые слова говоришь. Ни видеть не можешь ты их, ни управлять ими издали: не под силу тебе это, пока сохраняешь ты видимое обличье и по-прежнему желаешь быть королем на земле.

Тогда молвил Моргот, оборотившись к Хурину:

– Глупец, ничтожество среди людей – народа, последнего среди наделенных даром речи! Видел ли ты Валар, познал ли могущество Манвэ и Варды? Проник ли в их помыслы? Или, может, ты думаешь, будто думы их обращены к тебе и издалека они защитят тебя?

– Про то мне неведомо, – рек Хурин. – Может статься, так оно и случится – буде на то их воля. Ибо пока длится бытие Арды, Древнейшему Королю восседать на троне.

– Истинно так, – отвечал Моргот. – Древнейший Ко роль – я: Мелькор, первый и могущественнейший среди Валар; тот, кто был до сотворения мира, тот, кто создал его. Тень моего замысла лежит на Арде, и все, что только есть в ней, медленно и неуклонно подпадает под мою власть. Все, кто тебе дорог, ощутят тяжкий гнет моей мысли, точно мглистое марево Рока, и ввергнуты будут во тьму отчаяния. Куда бы ни направили они шаг, везде воспрянет зло. Когда бы ни заговорили они, слова их обернутся губительными советами. Что бы они ни содеяли – все обратится против них же. Не будет для них надежды в смертный час, и в последний миг проклянут они и жизнь, и смерть.

Отвечал Хурин:

– Или забыл ты, с кем говоришь? Те же речи держал ты давным-давно перед отцами нашими; но мы бежали от твоей тени. Ныне же ведаем мы о твоей истинной сущности, ибо видели мы лица узревших Свет и внимали голосам тех, кто беседовал с Манвэ. Ты был до рождения Арды, но и другие тоже; и не ты ее создал. Есть и могущественнее тебя; ты растратил свою силу на себя самого; твоя собственная пустота поглотила ее. Ныне ты не более чем беглый раб Валар; цепь их и поныне тебя дожидается.

– Ты затвердил наизусть уроки своих хозяев, – молвил Моргот. – Но эти детские байки не помогут тебе теперь, когда все они бежали далеко прочь.

– Вот что напоследок хочу я сказать тебе, раб Моргот, – отозвался Хурин, – эти слова почерпнул я не из кладезей мудрости эльдар: они вложены мне в сердце в этот самый час. Ты – не Властелин над людьми, и не станешь им никогда, хотя бы вся Арда и Менель оказались в твоей власти. За Кругами Мира не сможешь ты преследовать тех, кто отверг тебя.

– За Кругами Мира я и не стану их преследовать, – отвечал Моргот, – ибо за Кругами Мира – Ничто. В пределах же Мира им от меня не укрыться, разве что канут они в Ничто.

– Ты лжешь, – молвил Хурин.

– Ты все увидишь сам и признаешь, что я не лгу, – проговорил Моргот. И увел он Хурина назад в Ангбанд, и усадил его в каменное кресло на одной из вершин Тангородрима, откуда прозревал пленник вдалеке землю Хитлум на западе и земли Белерианда на юге. Там оказался он во власти Морготова колдовства; и Моргот, встав перед пленником, проклял его вновь и сковал его неодолимыми чарами так, что Хурин не мог сдвинуться с места, и умереть не мог до тех пор, пока не освободит его Моргот.

– Оставайся же здесь, – объявил ему Моргот, – и гляди на земли, где зло и отчаяние настигнут тех, кого ты предал мне в руки. Ибо ты посмел насмехаться надо мною и усомнился в могуществе Мелькора, Владыки судеб Арды. Моим взором будешь ты видеть отныне; моим слухом слышать; и ничто не укроется от тебя.

Глава IV Уход Турина

Лишь трое мужей вернулись в конце концов в Бретиль недобрым путем через Таур-ну-Фуин; когда же Глорэдель, дочь Хадора, узнала о гибели Халдира, она умерла от горя.

В Дор-ломин вестей так и не пришло. Риан, жена Хуора, обезумев, бежала в глушь; там приютили ее Серые эльфы Митрима, когда же родился сын ее Туор, эльфы взяли его на воспитание. А Риан ушла к кургану Хауд-эн-Нирнаэт, и легла там на землю, и умерла.

Морвен Эледвен осталась в Хитлуме, во власти немой скорби. Сыну ее Турину шел лишь девятый год, и она вновь носила под сердцем дитя. Жилось ей несладко. Край тот наводнили восточане, и жестоко обращались они с людьми народа Хадора – отбирали все добро их и обращали в рабство. Всех жителей родной земли Хурина, способных к работе или годных хоть на что-нибудь, угнали в плен, даже юных дев и отроков, а стариков перебили или уморили голодом. Однако ж до поры не смели восточане поднять руку на Владычицу Дор-ломина или выгнать ее из дому; ходили среди них слухи, будто связываться с нею опасно, будто ведьма она и якшается с белыми демонами – так называли восточане эльфов, ибо ненавидели их, а боялись – еще больше. По той же причине страшились и избегали они гор, где укрылись многие эльдар, – в особенности же тех, что на юге, и разграбив и опустошив захваченные области, восточане вновь отступили севернее. А дом Хурина стоял на юго-востоке Дор-ломина, неподалеку от гор; так, речка Нен Лалайт брала начало под сенью вершины Амон Дартир, за которой начинался крутой перевал. Через тот перевал путник выносливый и стойкий мог пересечь Эред Ветрин и через истоки Глитуи спуститься в Белерианд. Но восточане о том не ведали, равно как и Моргот до поры до времени; так что весь тот край, пока стоял Дом Финголфина, был надежно огражден от Врага и никто из его прислужников вовеки не забредал туда. Полагал Моргот, что стена Эред Ветрин непреодолима как для беглецов с севера, так и для нападения с юга; воистину, ни для кого, кроме птиц, иных путей и не было между Топью Серех и далеким западом, где Дор-ломин переходил в Невраст.

Вот так и случилось, что после первых набегов Морвен оставили в покое, хотя в окрестных лесах рыскали лихие люди и опасно было удаляться от дома. Под кровом Морвен по-прежнему жил Садор-плотник, несколько стари ков и старух и Турин, которому она не позволяла и шагу ступить со двора. Однако ж усадьба Хурина вскорости пришла в упадок, и хотя Морвен трудилась не покладая рук, она обнищала – и голодала бы, кабы не помощь, что втайне

посылала ей Аэрин, родственница Хурина; ибо некий восточанин именем Бродда силой взял ее в жены. Горько было Морвен принимать милостыню, но не отвергала она вспоможения – ради Турина и ради нерожденного еще дитяти, и еще потому, что, как сама она говорила, это – толика ее же собственного достояния. Ведь не кто иной, как Бродда захватил добро, и скот, и людей Хурина, и забрал все, что мог, к себе в дом. Храбр и дерзок был Бродда, однако среди соплеменников своих особым почетом не пользовался, пока не пришли они в Хитлум; жадный до богатства, он готов был завладеть землями, на которые другие люди его сорта не зарились. Морвен видел он лишь однажды, когда выехал грабить ее усадьбу; но оказавшись с нею лицом к лицу, преисполнился великого страха. Померещилось Бродде, будто заглянул он в беспощадные глаза белого демона, и убоился он, как бы не постигло его какое зло, и не стал он разорять ее дом, и Турина не обнаружил, иначе недолго прожил бы наследник законного правителя.

Бродда обратил в рабство Соломенноголовых, как про звал он народ Хадора, и повелел им выстроить ему деревянный дом к северу от усадьбы Хурина; а рабов держал за частоколом, точно скотину в хлеву, но стерегли их вполглаза. Не все они смирились со своей участью; иные храбрецы готовы были помогать Владычице Дор-ломина, даже с опасностью для жизни; от них-то Морвен и получала тайные вести, пусть и безрадостные, о том, что делается в округе. Аэрин же Бродда взял в жены, не в наложницы, ибо в его окружении женщин было мало, и ни одна не могла сравниться с дочерьми эдайн; а Бродда надеялся стать в той земле могучим владыкой и обзавестись наследником, дабы было кому передать власть.

О том, что произошло, и о том, что сулили грядущие дни, Морвен сыну почти не рассказывала, а он боялся на рушить ее молчание расспросами. Когда восточане впервые объявились в Дор-ломине, Турин спросил у матери:

– Когда же вернется отец мой и выдворит это мерзкое ворье? Отчего он все не едет?

– Про то мне неизвестно, – ответствовала Морвен. – Может статься, он погиб или в плену; а может статься, вынужден был отступить далеко прочь и нескоро удастся ему возвратиться сквозь кольцо врагов.

– Тогда думается мне, он мертв, – проговорил Турин, сдерживая слезы при матери, – ибо, будь он жив, так непременно пришел бы к нам на помощь, и никто не сумел бы ему помешать.

– Сдается мне, ни в том, ни в этом правды нет, сын мой, – отозвалась Морвен.

По мере того как шло время, на душе у Морвен делалось все тяжелее, и все сильнее тревожилась она за своего сына Турина, наследника Дор-ломина и Ладроса, ибо не видела она для него будущности иной, нежели угодить в рабство к восточанам, не успеет он и повзрослеть толком. Тут вспомнила она свою беседу с Хурином, и мысли ее вновь обратились к Дориату, и наконец, решила она втайне отослать Турина из дому, ежели удастся, и молить короля Тингола, чтобы приютил мальчика. И пока сидела она, размышляя, как бы это устроить, отчетливо зазвучал в ее голове голос Хурина, наставляющий: «Уходи, не мешкая! Не жди меня!». Ноблизились роды, а путь предстоял тяжкий и опасный; и чем дальше, тем меньше приходилось уповать на спасение. А сердце по-прежнему обманывало ее надеждой, в которой она сама себе не признавалась: в глубине души она чувствовала – Хурин жив, и в бессонных ночных бдениях прислушивалась, не услышит ли знакомые шаги, либо просыпалась, думая, будто со двора донеслось ржание коня его Арроха. Более того, хотя охотно согласилась бы она, чтобы сын ее воспитывался в чужих чертогах, по обычаю того времени, сама она еще недостаточно смирила гордость, чтобы жить приживальщицей, пусть даже и при короле. Потому не вняла она голосу Хурина, или воспоминанию о том голосе, и так спрылась первая нить судьбы Турина.

Уже близилась осень Года Скорби, когда Морвен наконец решила, и тогда заторопилась она, ибо времени на путешествие осталось в обрез, она же боялась, что Турина схватят, если

прождать до весны. Восточане рыскали вокруг ограды, шпионя за усадьбой. Так что неожиданно объявила она Турину:

– Отец твой не возвращается. Потому уйти придется тебе, и вскорости. Таково его пожелание.

– Уйти? – воскликнул Турин. – Куда же пойдём мы? За Горы?

– Да, – подтвердила Морвен, – за Горы, далеко на юг. На юг – там, возможно, осталась еще надежда. Но я не сказала «мы», сын мой. Тебе должно уйти, а мне – остаться.

– Я не пойду один! – воскликнул Турин. – Я тебя не оставлю. Отчего нам не уйти вместе?

– Я не могу уйти, – промолвила Морвен. – Но ты пойдешь не один. Я отошлю с тобой Гетрона, а может, и Гритнира тоже.

– Разве не пошлешь ты Лабадала? – спросил Турин.

– Нет; ибо Садор хром, а путь предстоит тяжкий, – отозвалась Морвен. – А поскольку ты мой сын, и времена нынче суровые, я скажу горькую правду: в дороге ты можешь погибнуть. Год близится к концу. Но если ты останешься, худшая участь тебе грозит: станешь рабом. Если хочешь ты быть мужчиной, когда войдешь в возраст, ты сделаешь так, как я говорю, и страхи отринешь.

– Ведь покину я тебя лишь на Садора и слепого Рагнира, и старух, – промолвил Турин. – Разве не говорил мой отец, что я – наследник Хадора? Наследнику должно оставаться в доме Хадора и защищать его. Вот теперь и впрямь жалею я, что отдал свой нож!

– Наследнику должно остаться, но он не может, – возразила Морвен. – Зато в один прекрасный день он, верно, вернется. Так ободрись же! Ежели станет совсем туго, я последую за тобою – коли смогу.

– Как же ты отыщешь меня в глуши? – промолвил Турин, и внезапно не сдержался и разрыдался в открытую.

– Будешь плакать, так кое-кто другой тебя найдет прежде меня, – отвечала Морвен. – Я знаю, куда идешь ты, и ежели доберешься до места и там останешься, там и отыщу тебя, коли смогу. Ибо посылаю я тебя к королю Тинголу в Дориат. Разве не предпочел бы ты быть гостем короля, нежели рабом?

– Не знаю, – промолвил Турин. – Я не знаю, что такое раб.

– Вот я и отсылаю тебя, чтобы тебе не довелось о том узнать, – отозвалась Морвен. И поставила она сына перед собою, и заглянула ему в глаза, словно пытаясь разгадать некую загадку. – Тяжко, Турин, сын мой, – проговорила она наконец. – И тяжко не только тебе. Непросто мне в лихие дни решать, как бы поступить лучше. Но поступаю я так, как мнится мне правильным; иначе зачем бы мне расставаться с самым дорогим, что только у меня осталось?

Более они промеж себя о том не говорили, и горевал Турин, и не знал, что и думать. Поутру отправился он к Садору, который рубил дрова на растопку, дров же у них было мало, ибо в лес ныне выходить никто не решался. Опершись на костыль, поглядел Садор на парадное кресло Хурина, незаконченным задвинутое в угол.

– Тоже пойдет на дрова, – промолвил он. – В наши дни не до жиру – быть бы живу.

– Не ломай его пока, – попросил Турин. – Может, отец еще вернется домой – и порадует, видя, что ты для него смастерил, пока его не было.

– Ложные надежды опаснее страхов, – отозвался Садор, – и зимой нас не согреют. – Он погладил резьбу на кресле и вздохнул. – Зря время потратил, хотя по сердцу мне была работа, – посетовал он. – Но все такие вещи живут недолго, и радость созидания – единственный от них прок, сдается мне. А теперь верну-ка я тебе подарок.

Турин протянул руку – и тут же ее отдернул.

– Дары забирать назад не подобает, – сказал он.

– Если вещь принадлежит мне, разве не волен я отдать ее, кому захочу?

– Волен, – отозвался Турин, – кому угодно, кроме меня. А почему хочешь ты отдать нож?

– Не надеюсь я боле воспользоваться им для достойного дела, – промолвил Садор. – Отныне не будет иной работы Лабадалу, кроме рабьей.

– А что такое раб? – спросил Турин.

– Бывший человек, с которым обращаются, как со скотом, – отвечал Садор. – Кормят только того ради, что бы не сдох, не дают сдохнуть, чтоб работал, а работает он лишь из страха боли или смерти. А эти лиходеи, случается, убивают либо причиняют боль просто развлечения ради. Я слышал, они отбирают тех, которые легки на ногу, и травят их собаками. Да они быстрее учатся у орков, нежели мы – у Дивного Народа.

– Теперь я понял, – отозвался Турин.

– Жаль, что приходится тебе понимать такое в твои годы, – промолвил Садор, но, увидев странное выражение в лице Турина, спросил: – И что ты понял?

– Почему мать меня отсылает, – отозвался Турин, и глаза его наполнились слезами.

– А! – откликнулся Садор и пробормотал про себя: «И зачем было мешкать так долго?» И, оборотаясь к Турину, молвил: – По мне, так плакать тут не о чем. Но не след тебе пересказывать замыслы твоей матери вслух Лабадалу или кому бы то ни было. Ныне все стены и ограды имеют уши, и владельцы тех ушей отнюдь не русоголовы.

– Но должен же я поговорить хоть с кем-нибудь! – воскликнул Турин. – Я всегда тебе все рассказываю. Я не хочу тебя бросать, Лабадал. Не хочу покидать ни дома, ни матери.

– Должно тебе понять ныне: ежели ты останешься, скоро придет конец Дому Хадора, – промолвил старик. – Лабадал не хочет, чтобы ты уходил; но Садор, слуга Хурина, порадует, когда сын Хурина окажется недосыгаем для восточан. Ну же, право, ничего тут не попишешь; придется расстаться. Может, хоть теперь возьмешь мой нож как прощальный дар?

– Нет! – откликнулся Хурин. – Я ухажу к эльфам, к королю Дориата – так говорит мать. Там мне, верно, не знать недостатка в таких вещах. А вот подарков я тебе присылать не смогу, Лабадал. Далеко я буду – и совсем один. – И Турин разрыдался; но сказал ему Садор:

– Что такое? Где же сын Хурина? Не он ли мне обещался: «Я стану ратником эльфийского короля, как только подрасту»?

Тогда Турин сдержал слезы и молвил:

– Хорошо же; если таковы были слова сына Хурина, должно ему сдержать их – и уйти. Но всякий раз, как говорю я, что сделаю то и это, в конечном счете все оборачивается иначе, нежели мне мнилось. Теперь уже не хочу я того. Впредь надо быть осмотрительнее в речах и не говорить лишнего.

– Оно и впрямь к лучшему, – согласился Лабадал. – Сколь многие тому учат, сколь немногие тому следуют! Заглянуть в будущее нам не дано; так не будем же и пытаться. Дня сегодняшнего более чем достаточно.

И вот собрали Турина в путь, и распрощался он с матерью и тайно отбыл вместе с двумя спутниками. Но когда те велели Турину оглянуться на отчий дом, боль разлуки пронзила ему сердце словно меч, и воскликнул он:

– Морвен, Морвен, когда же увижу я тебя снова?

Крик этот в лесистых холмах эхом долетел до Морвен, стоявшей на пороге, и стиснула она дверной косяк так, что из-под ногтей выступила кровь. То было первое горе Турина.

В начале следующего года Морвен родила дочь и нарекла ее Ниэнор, что означает Скорбь. Когда же появилась она на свет, Турин был уже далеко. Долгий путь изобиловал опасностями, ибо власть Моргота распространялась все шире; но проводниками при мальчишке были Гетрон и Гритнир, чья молодость пришлась на времена Хадора, и хотя ныне они состарились, были они весьма отважны и хорошо знали тамошние земли: нередко доводилось им странствовать по Белерианду в былые дни. Так волею судьбы и благодаря собственной доблести переправили они через Тенистые горы и спустились в долину Сириона, и вступили в лес Бретиль;

и наконец, изможденные и усталые, достигли границ Дориата. Но там сбились они с пути и запутались в тенетах магии Королевы и плутали, не зная дороги, среди нехоженых чащ, пока не иссякли у них припасы. Едва не погибли они, поскольку зима с севера пришла холодная; но не столь легкая участь была уготована Турину. Нежданно-негаданно заслышали отчаявшиеся путники пение рога. В краях тех охотился Белег Могучий Лук: величайший из следопытов тех времен, неотлучно жил он на границах Дориата. Заслышав их крики, Белег поспешил к ним на помощь, и дал им еды и питья, и спросил, кто они и откуда, и преисполнился изумления и сострадания. С приязнью взглянул он на Турина, ибо тот унаследовал красоту матери и глаза отца, и был силен и крепок.

– О какой же милости станешь просить ты короля Тингола? – спросил Белег мальчика.

– Хотел бы я стать одним из его рыцарей и биться с Морготом, и отомстить за отца, – отвечал Турин.

– Верно, так оно и будет, когда прибавится тебе лет, – отозвался Белег. – Хотя мал ты покуда, у тебя все задатки доблестного мужа, достойного зваться сыном Хурина Стой кого, ежели такое возможно. – Имя же Хурина почиталось во всех эльфийских землях. Потому Белег охотно согласился проводить скитальцев, и отвел их в сторожку, где жил в ту пору с другими охотниками; там обрели они приют, а в Менегрот между тем отправили гонца. Когда же пришла весть, что Тингол и Мелиан согласны принять сына Хурина и его провожатых, Белег повел их тайными тропами в Сокрытое Королевство.

Так Турин пришел к великому мосту через Эсгалдуин и вступил в ворота Тинголовых чертогов, и еще ребенком узрел чудеса Менегрота, коих доселе не видел никто из смертных, кроме одного только Берена. Гетрон пересказал Тинголу и Мелиан послание Морвен; Тингол же оказал гостям добрый прием и усадил Турина к себе на колени в честь Хурина, величайшего из мужей, и Берена, его родича. Немало удивились все, кто был в зале, ибо означало это, что Тингол принял Турина на воспитание; а в ту пору не случалось того, чтобы короли оказывали людям подобную милость, да и впредь не поступали так эльфийские владыки. И сказал мальчику Тингол:

– Здесь, о сын Хурина, отныне дом твой; и пока жив ты, будешь ты почитаться моим сыном, хоть ты и человек. Мудрость обретешь ты превыше того, что отмерено смертным; эльфийское оружие вложат тебе в руки. Возможно, наступит день, когда отвоюешь ты отцовские земли в Хитлуме; ныне же живи здесь, окруженный любовью.

Так Турин поселился в Дориате. Гетрон и Гритнир, его провожатые, до поры оставались с ним, хотя всем сердцем стремились вернуться к госпоже своей в Дор-ломин. И вот старость и недуг подкосили Гритнира, и дожил он век свой при Турине; Гетрон же ушел, и Тингол послал с ним надежных провожатых, в защиту и помощь, и поручено им было доставить Морвен послание Тингола. Добрались они наконец до усадьбы Хурина, и когда узнала Морвен, что Турин с почетом принят в чертогах Тингола, полегчало у нее на душе; эльфы же принесли ей богатые дары от Мелиан и приглашение вернуться вместе с гонцами Тингола в Дориат. Ибо Мелиан мудра была и прозорлива, и надеялась тем самым отвратить зло, замышляемое Морготом. Но не пожелала Морвен покинуть дом, и упорствовала в своем решении, не смилив до поры гордости; притом Ниэнор была грудным младенцем. Потому Морвен отослала эльфов Дориата со словами благодарности и одарила их последними золотыми вещами, что у нее оставались, скрывая нищету свою; и наказала передать Тинголу Шлем Хадора. Турин же с нетерпением ждал возвращения Тинголовых посланцев; когда же вернулись они одни, он убежал в леса и расплакался: знал он о приглашении Мелиан и надеялся, что Морвен придет. То было второе горе Турина. Когда же гонцы передали ответ Морвен, Мелиан преисполнилась сострадания, ибо читала в душе у нее; и поняла Мелиан, что судьбу, кою провидит она, отвратить не так-то просто.

Шлем Хадора вручили Тинголу. Шлем тот откован был из серой стали, изукрашен золотом, и вились по нему руны победы. И хранил он владельца от ран и от смерти: ибо ломался меч от удара по шлему, и стрела отлетала, не причинив вреда. Сработал его Тельхар, кузнец из Ногрода, прославленный своими творениями. Шлем снабжен был забралом (вроде тех, что гномы использовали в своих кузнях, прикрывая глаза); и тот, кто надевал шлем, обличьем своим вселял страх в сердца всех, его лицезревших, сам же защищен был от стрелы и огня. На гребне шлема гордо красовалась золоченая фигура дракона Глаурунга; ведь сделали шлем вскорости после того, как дракон впервые выполз за Морготовы врата. Хадор, а после него и Галдор, часто надевали этот шлем в битву, и воодушевлялось хитлумское воинство, видя, как высится шлем над битвенным полем, и восклицали они: «Золотой змей Ангбанда не чета Дракону Дор-ломина!» Хурину же тяжек был Драконий Шлем; да и не желал он носить его, говоря: «Лучше истинное свое лицо покажу я врагу». Однако ж почитал он шлем одним из величайших сокровищ своего дома.

А у Тингола были в Менегроте глубокие оружейни, где хранилось без числа оружия: металл доспехов, сработанный на манер рыбьей чешуи, сиял, точно вода под луной; были там мечи и топоры, щиты и шлемы, откованные самим Тельхаром или его наставником Гамилем Зираком Старым, или эльфийскими кузнецами еще более искусными. Ибо иные сокровища, полученные королем в дар, привезены были из Валинора и вышли из рук искусного Феанора, а мастера более великого не рождалось за всю историю мира. Однако ж Тингол принял Шлем Хадора так почтительно, как если бы сам обладал лишь малою толикой богатств, и повел учтивые речи, говоря:

– Гордое чело венчал этот шлем: носили его отец и дед Хурина.

И тут пришла ему в голову мысль, и призвал он Турина, и поведал ему, что Морвен послала сыну великое сокровище, наследие праотцев его.

– Прими же ныне Драконий Шлем Севера, – промолвил король, – и когда придет срок, носи его с честью.

Но Турин был еще слишком мал, и недостало у него сил поднять шлем, и, скорбя душою, оставил он дар без внимания.

Глава V Тури́н в Дориате

Пока рос Турин в королевстве Дориат, за ним приглядывала Мелиан, хотя видел он ее нечасто. Жила там в лесах дева именем Неллас; по велению Мелиан она следовала за Турином, когда блуждал тот по лесу, и часто встречалась ему на пути, словно случайно. Тогда играли они вместе или бродили рука об руку, ибо Турин быстро вырос, она же казалась его ровесницей, да и была дитя душою, невзирая на свои эльфийские годы. От Неллас Турин узнал многое о тропах, о зверье и птицах Дориата; учила она его изъясняться на языке синдарин так, как принято было в древнем королевстве – то есть речи более старинной, и учтивой, и богатой на красивые слова. В ту пору ненадолго полегчало на душе у Турина, но очень скоро вновь помрачнел он, и дружба эта минула, словно весеннее утро. Неллас не переступала порога Менегрота – тяжело ей было под каменными сводами; так что, когда прошло детство Турина и обратились его помыслы к деяниям мужей, виделись они все реже и реже, и наконец вовсе перестал призывать ее Турин. Однако Неллас по-прежнему приглядывала за ним, но теперь – тайно, не выдавая себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.